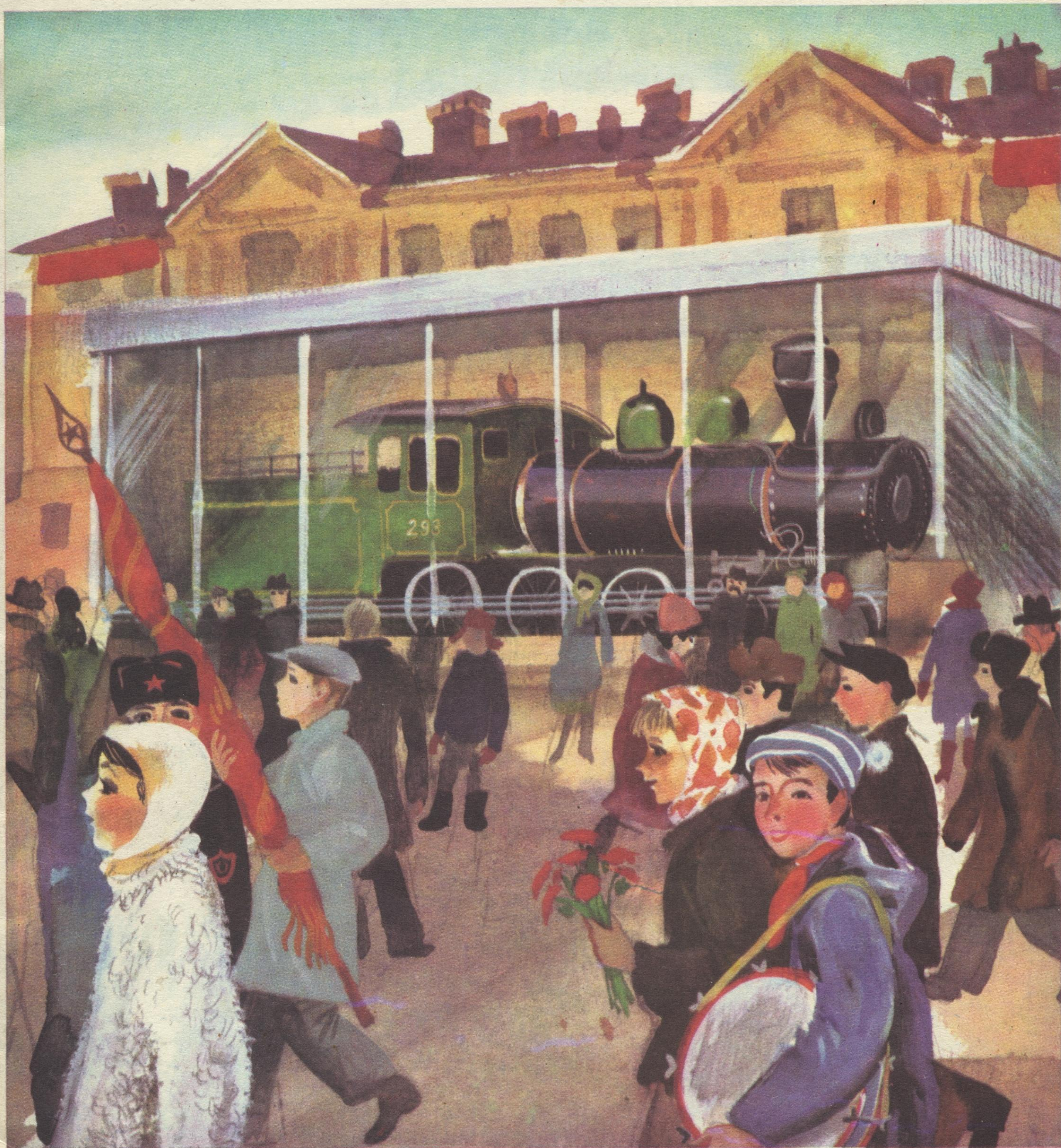

КОСТЁР

АПРЕЛЬ 1980

4

К 110-летию
со дня рождения
В. И. Ленина
ОЧЕРКИ, ПОВЕСТЬ,
ВОСПОМИНАНИЯ
О ВОЖДЕ
РЕВОЛЮЦИИ

КОСТЁР

4

АПРЕЛЬ

1980

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костер“, 1980 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Ленин пожал ему руку
очерк Р. Баранниковой 1

На краю света
из путевого блокнота
художника Г. Ковенчука 4

Агент ленинской «Искры»
главы из повести
А. Зверинцева 8

Барабан 12

Бриг «Меркурий»
историческая повесть
Геннадия Черкашина 16

Ценный экспонат
рассказ В. Грусланова 26

На целинной земле
очерк А. Стерликова 28

Рассказы машиниста
из воспоминаний
В. Виролайнена 30

Сердцем и именем
поиск юнкоров и
следопытов «Костра» 34

Как расти в космосе
заметка А. Моргуна 36

Стихи твоих ровесников 37

Очень-очень хороший год
очерк Н. Водяницкой 38

Умник
фантастическая повесть
В. Кругового 40

Спортклуб «Кузнечик» 42

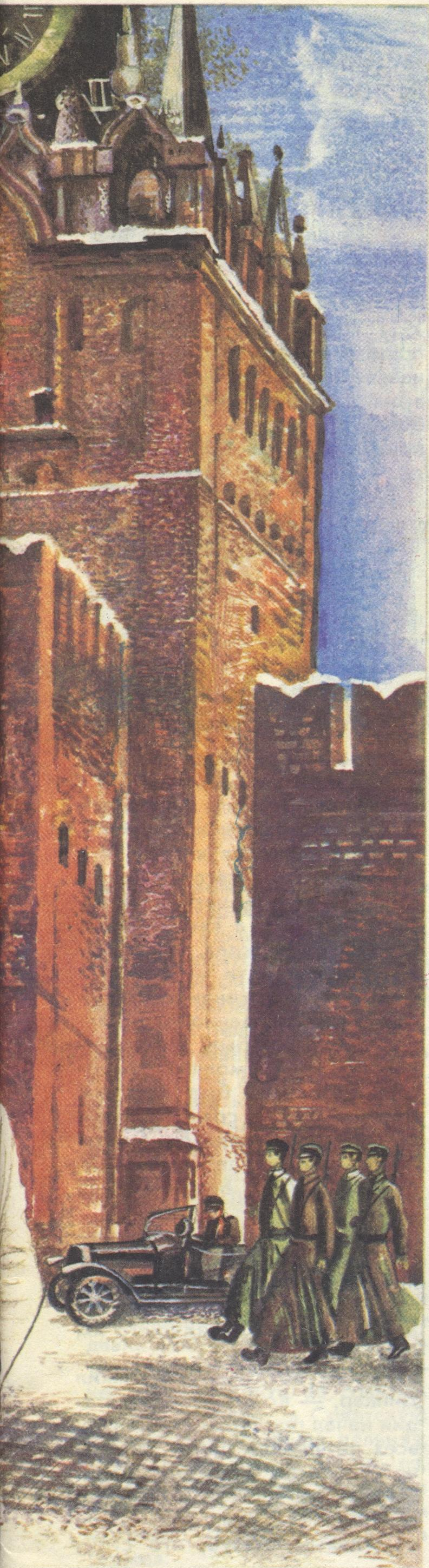
Они рисуют для вас 44

Морская газета 46

Арчебек 48

На обложке рисунок В. Топкова
«У ленинского паровоза»

ЛЕНИН ПОЖАЛ ЕМУ РУКУ

Помнится, было очень жарко в тот ноябрьский вечер. В посольстве СССР в Индии проходил прием в честь Великой Октябрьской социалистической революции. Терпко и пряно пахли цветы. Разукрашенные разноцветными электрическими лампочками деревья с каким-то неумным хвастовством раскинули свои пышные цветущие ветви. Сдержанные разговоры дипломатов заглушались более громкой, эмоциональной речью писателей, журналистов, художников.

В тот день был удивительный калейдоскоп знакомств, и все-таки я очень хорошо запомнила одного седовласого, стройного человека. Определив, что он мусульманин, я приветствовала его на языке урду. В ответ на приветствие он ответил по-русски:

— Здравствуйте. И я очень рад знакомству.

— Вы знаете русский? — удивилась я.

— Вернее, знал, — немного смущенно ответил он.

Да, произношение у него было, прямо скажем, неважное. Он напряженно подбирал слова. Но все же он говорил по-русски, и мне, прожившей к тому времени в Индии уже более двух лет, было приятно встретить человека, говорившего на моем родном языке.

— Как вас зовут, простите? Я не очень хорошо расслышала.

— Шаукат Усмани, — слегка поклонился он.

— И вы бывали в Советском Союзе? Когда?

— Очень давно. Вас тогда и на свете-то еще не было. — Он широко улыбнулся.

Я была в то время переводчицей посольства, и кто-то из русских товарищей окликнул меня. Работа есть работа. Извинившись, я оставила своего нового и очень интересного для меня знакомого, надеясь еще раз в этот вечер погово-

рить с ним. Однако потом я уже не смогла отыскать его. По-видимому, он уехал домой.

Позже я узнала, что на следующий же день после приема он уехал в Каир, где работал корреспондентом индийской газеты «Компасс».

Так и не удалось мне еще раз увидеть этого человека. Но я много слышала о нем от своих индийских друзей, и его необычная судьба заинтересовала меня.

Самый подробный рассказ о Шаукате Усмани я услышала от известного поэта Индии Рамдхари Синха Динкара.

— Знаете, что самое замечательное в жизни Шауката, чему особенно завидуют многие у нас в Индии?

— Нет. Не знаю. А что?

— А то, что он обменялся рукопожатием с самим Лениным! Вы удивлены? Ну еще бы! Именно так — Ленин пожал руку нашему Шаукату Усмани!

Динкар смотрел на меня с таким торжеством и радостью, словно это ему пожал когда-то руку Владимир Ильич.

Я была ошеломлена:

— Когда же это было? Как? Ведь, когда был жив Ленин, Шаукат Усмани был юным...

— Да, он встретился с вождем, — так назвал Ленина Динкар, — когда ему — Шаукату — было двадцать лет.

— Так значит, это было...

— В 1921 году, — помог мне подсчитать Динкар. И неожиданно предложил: — Хотите, я расскажу вам обо всем подробно? Я слышал об этом много раз.

— Расскажите, — попросила я.

Мы сидели в небольшом садике Рамдхари Синха. Ножки наших кресел утопали в неподстриженной траве газона, а около ограды уже распустили свои незаметные цветы кусты бугенвиллеи.

До этого момента я слышала

еще песни, крики и разговоры, доносившиеся из соседнего сада, шум проезжавших по дороге машин, но потом я уже слышала только то, что рассказывал мне поэт.

— Шаукат в 1921 году учился в Москве на курсах, которые переименовали потом в Коммунистический университет трудящихся Востока.

Конечно, молодой Усмани уже знал о Ленине. Все слушатели курсов мечтали увидеть его, и, если узнавали о том, что Ленин где-то выступает, старались попасть на это собрание.

Тогда была невероятно холодная зима. А ведь он до этого никогда еще не видел снега... И, когда впервые ему удалось услышать выступление Ленина в феврале 1921 года, было так холодно, что казалось страшно выйти на улицу хоть на несколько минут. А он шел слушать Ленина пешком, почти через весь город, закрывая руками лицо, чтобы не отморозить нос и щеки.

Он тогда впервые слушал Ленина и все понимал. Потом он сам удивлялся, что ему было понятно все. И знаете, по-

полнена смыслом, так выразительны были его жесты, что при самом минимальном знании русского языка можно было понять все!

— Вы сказали, — напомнила я Динкару после некоторого молчания, — что Владимир Ильич Ленин пожал руку Шаукату Усмани. Мне хотелось бы услышать об этом.

— Конечно. Я понимаю. Усмани и не надеялся на это, не мечтал о таком счастье. Ведь был очень молод. Так вот, в марте 1921 года делегация лидеров международного движения профессиональных союзов посетила Кремль. И вот в эту-то солидную делегацию сумели попасть два молодых индийских мухаджирина...

— Мухаджирина? — Я была обескуражена. — Ведь это слово значит «отчаянный»?

— Да, вы правы. Так называли в то время в Индии революционеров-мусульман...

— Так значит два молодых индийских мухаджирина...

— Да, Шаукат Усмани и его друг Абдул Маджит.

— И как же прошла эта встреча? Усмани рассказывал вам?

— А разве он был там несколько лет?

— Что-то около двух. Точно не знаю. Знаю только, что пришел он в Советскую Россию в 1920, а уехал в 1921 году...

— Как, то есть, «пришел»?

— Да так и пришел. Пешком.

— Пешком — из Индии?!

— Да. Видите ли...

— Но вначале о встрече.

— Итак, это было в марте 1921 года. Усмани и Маджит пришли к Кремлю задолго до назначенного времени и стояли в ожидании что-то около часа: боялись, что делегация может придти раньше. Делегация была — человек двадцать...

С замиранием сердца, как говорил Усмани, вошел он в Кремль. И хоть делегацию вели медленно, давая возможность иностранцам увидеть все величие и великолепие древнего Московского Кремля, Усмани ничего не видел, ничего не запомнил — так желал и надеялся, что встретит Ленина.

Встреча произошла случайно на территории Кремля.

Шаукат Усмани поразились стремительности ленинской походки. Привыкнув к тому, что «великие мира сего» у нас в Индии — раджи, шахи, падишахи — не ходят, а «выступают», он почему-то ждал, что и Ленин должен идти медленно и важно, в окружении свиты. — Динкар неожиданно засмеялся. — Молодой был. Да и то, — добавил он, помолчав немного, — уж очень был простым Ленин. Ну, совсем-совсем обыкновенный человек. А ведь на самом-то деле совсем необыкновенный. Великий был человек.

Динкар замолчал, задумался. Я тоже молчала, представляя себе удивление индийского юноши, когда он вдруг увидел стремительно идущего им навстречу Ленина.

— Так вот, — продолжил Динкар, — когда глава делегации начал представлять Ленину всех ее членов, Ленин сердечно пожимал каждому руку. Шаукат во все глаза смотрел на Ленина и чувствовал себя счастливым оттого, что стоит

чему, он считает, ему было все понятно?

— Почему?

— А потому, что интонация ленинских фраз так была на-

— Да, рассказывал. Он не раз рассказывал о встрече с Лениным. Он любил вспоминать те далекие годы, которые провел в вашей стране.

рядом с вождем, слышит его быструю характерную речь.

Он с удивлением думал: «Какой простой и какой необыкновенный человек! И как хорошо улыбается!..»

И когда Ленин протянул ему руку, он схватил эту горячую руку своими двумя и сжал ее почтительно и бережно. Сжал совсем не сильно, но вот отпустить забыл. И только тогда, когда все засмеялись, он выпустил руку Ленина и смущенно улыбнулся.

Динкар замолчал.

...Летом 1920 года индийские революционеры, которые уже давно вели борьбу против британского господства в их стране, решили пойти за советом в страну Ленина, в Советскую Россию. Дорога была дальняя, трудная. И вот 80 индийцев, самые отчаянные, первыми двинулись по загроможденным камнями горным тропам в Термез.

«Мы очень спешили, — говорил Усмани. — Последние 500 километров пути мы прошли всего за двадцать дней...»

Очень беспокойно было в те дни в районе Термеза, Бухары. Бойцы армии Фрунзе уговаривали индийцев: «Погодите немного, не спешите. Больно уж свирепствуют сейчас басмачи. Неровен час — попадетесь». Но революционеры рвались дальше, в Москву.

...Теплым и необычно мягким был тот августовский вечер 1920 года. Где-то совсем рядом несла свои темные воды Аму-Дарья. Но песок не грел изможденных людей, стоящих на коленях перед своей могилой. На дне глубокой ямы белели кости расстрелянных раньше... Они стояли на коленях лицом к востоку и ждали выстрелов басмачей.

И выстрел грянул. Но это стреляли не басмачи. Огонь ве-

ла с реки канонерская лодка, потом застрочили пулеметы. Среди басмачей началась паника. Они пришпорили коней. А пленные еще продолжали стоять на коленях, протягивая руки к невидимой канонерке. Горячее слово обжигало их пересохшие губы. Это было русское слово. Некоторые шептали его, а другие уже кричали громко и восторженно: «Товарищи! Товарищи!»

...Мне еще не раз приходилось слышать о Шаукате Усмани, мне рассказывали, что он активно участвовал в борьбе индийского народа против английского колониализма, подвергался политическим репрессиям, долгие годы провел в тюрьме, но ничто не могло погасить в нем боевой закал молодости.

Римма БАРАННИКОВА
Рисунки О. Яхнина

НА КРАЮ СВЕТА

ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА ХУДОЖНИКА

Г. КОВЕНЧУК

На улице творилось что-то невероятное: стоял рев, похожий на многократно усиленный звук бушующего пламени в печи, когда оно гудит и завывает за плотно закрытой дверцей. Это осенний океанский ветер, пронизывающий от берега до берега весь огромный остров Сахалин. Ветер стучал своими могучими и упругими кулаками по стеклам закрытых окон, бушевал с такой силой, что нельзя было заснуть. Пришлось сдать авиабилеты на остров Кунашир. На крыше гостиницы «Сахалин» осталось только четыре буквы названия, остальные буквы сдул тайфун, он как бы дал новое название гостинице: «Ах ли».

Полет на Кунашир мы заменили поездкой в южный порт Сахалина — Корсаков.

Город расположен на хол-

Южно-Сахалинск.
Платники с искусственными покрытиями

Ночью был тайфун

Набережная в Корсакове

В матросском кубрике

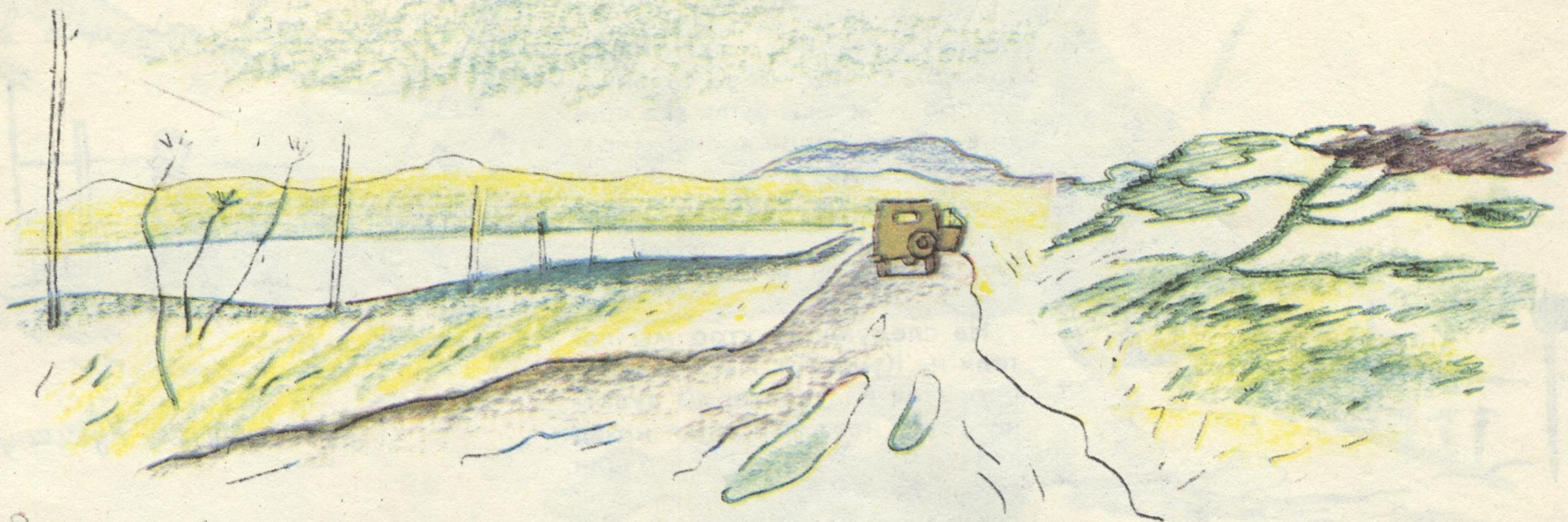
мах, в нем много зелени, но сейчас зелеными остались только сосны и елки, остальное все пожелтело — надвигалась зима.

Весь день лил дождь, и мы провели все время на корабле, который стоял у причала. Хозяева нам рассказывали о своей службе, угостили вкусным обедом. Вечером вместе с матросами мы смотрели телевизор, а на ночь нас уложили спать в удобных подвесных койках, которые слегка раскачивались.

В кубрике, где живут матросы, койки подвешены на цепях, в три этажа. Посередине длинный стол, привинченный к по-

Подъем флага

Дорога в долину Охотки

лу, по бокам привинченные скамейки, а в конце стола к стенке привинчен телевизор.

На нашем корабле было два кота. Один вполне взрослый черный кот с белой грудкой, а второй совсем маленький котенок. Животных на корабле разрешается держать только в том случае, если к ним хорошо относятся моряки. Если кто-нибудь начнет мучить или обижать животное, то на таком корабле держать животных запретят. Качку в отличие от людей коты переносят хорошо.

Утром мы видели подъем флага, а после завтрака за нами приехали пограничники и повезли нас в гости на одну из застав. С неба не переставало лить. Наш «уазик» бежал по берегу серого Охотского моря. По обочинам дороги росли изогнутые невысокие корявые сосны, их как будто все время гнет и клонит ветер.

Небо было серое, как будто его от горизонта до горизонта покрасили корабельной краской.

— Ветер достигал сорока метров в секунду, — рассказал нам начальник заставы. — Во многих поселках повалило заборы, нарушилась связь. Хотите попасть на Кунашир? И не мечтайте. Даже если вы туда попадете, то навряд ли сможете быстро выбраться. Можете просидеть месяца два, такие случаи бывали.

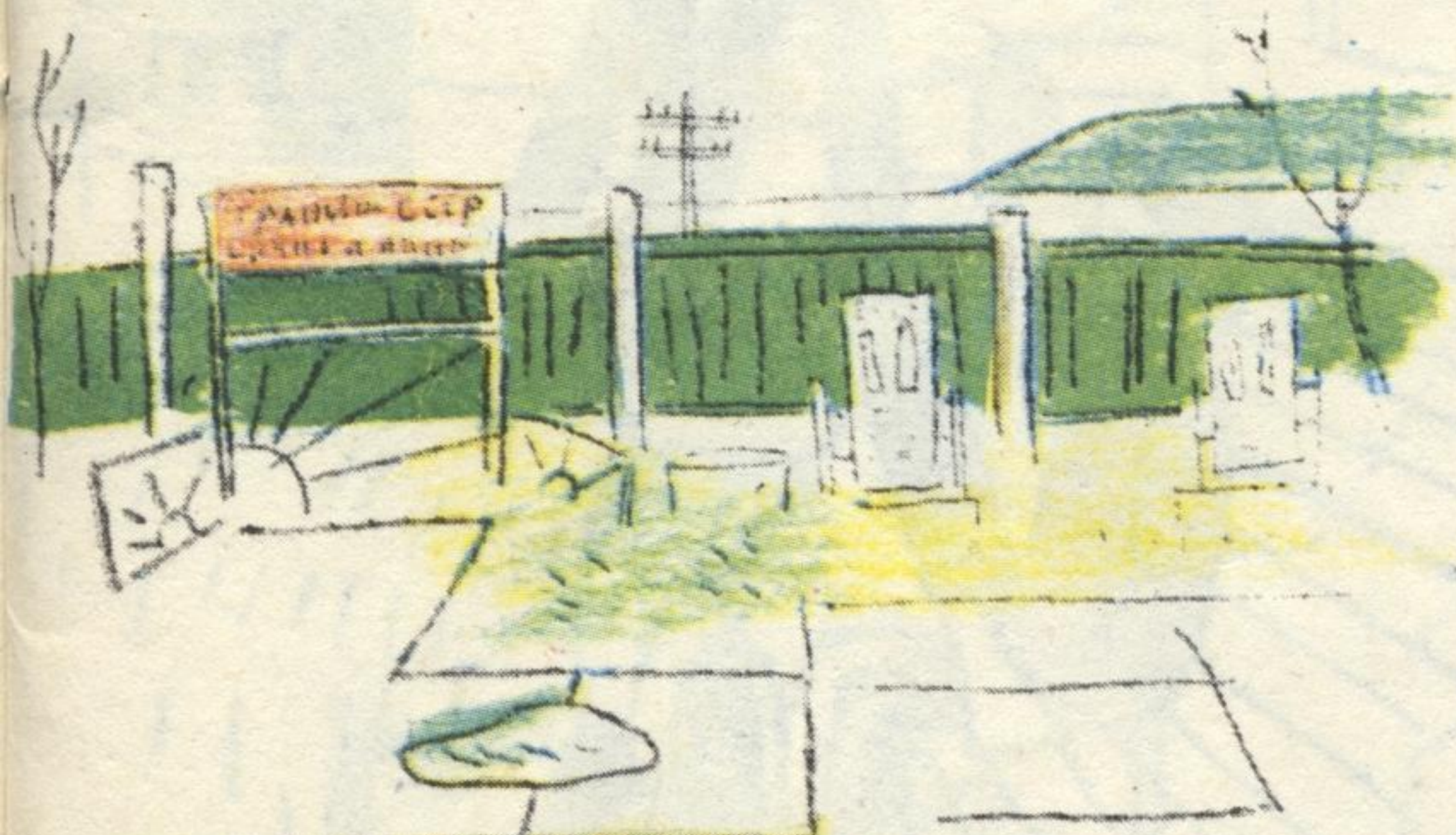
Нас очень огорчили слова начальника заставы. Но, к счастью, нам повезло. Меньше чем через час на небе не было ни облачка! Куда девалась вся

Начальник погранзаставы

Морской берег

Вход на заставу

Обед

серая краска? Холмы светились золотом осени, но за зеленым забором заставы были все еще видны бушующие волны моря, а за окном два молодых пограничника сгребали граблями разметанное ветром сено. Рядом щипали траву две черные коровы.

На следующее утро мы летели на Кунашир. Наш самолет пролетал над кратером вулкана Тятя; несколько лет назад вулкан извергался, и долго шли серые пепельные дожди.

Кунашир намного южнее Сахалина. Когда мы спускались по трапу, нас встретил легкий теплый ветерок. Вокруг горные хребты, заросли низкого бамбука.

— У нас и магнолии растут, — говорил нам по пути шофер, — а бамбук есть — выше человеческого роста!

Южно-Курильск располо-

Горный Кунашир

На ул. Покровской

На самом берегу Тихого океана

жился частью внизу, по берегу протоки, частью наверху, на большой плоской горе. В верхнюю часть поселка ведет несколько длинных деревянных лестниц. На острове живут рыбаки и те, кто обрабатывает пойманную рыбу, — рабочие консервного завода. Есть несколько школ, большой кинотеатр, очень хорошая библиотека, междугородный телефон. Еще тут есть несколько целебных горячих источников. Прямо на берегу океана устроены бетонные ванны. В них под открытым небом можно купаться в любое время года. Мы побывали на одном из таких источников.

Серый, почти черный от вулканического пепла прибреж-

Рыбка кднжа, ее поймали на берегу Восточного Восточного

Летим на Кунашир,
в «проруби» виден ТЯТЯ

ный песок, в нем много желе-
за. Если песок насыпать на ли-
сток бумаги, а снизу поднести
магнит, то получится рисунок
силовых линий.

Мы едем вдоль океана.
Вдоль всего берега выброшен-
ные волнами листы морской
капусты, кое-где яркими бирю-
зовыми пятнами выделяются
прибитые к берегу обрывки ка-
проновых рыболовных сетей.
Лесистые крутые склоны про-
низывают белые ленты водо-
падов. Мы делаем остановку
на берегу бурлящей речки Ви-
най, ловим рыбу, на удочку
поймали пятнистую рыбку кун-
жу. Потом сидим по самую
шею в горячей радоновой во-
де, ныряем в соленые холод-
ные волны Тихого океана, на-
слаждаемся крепкой ухой.

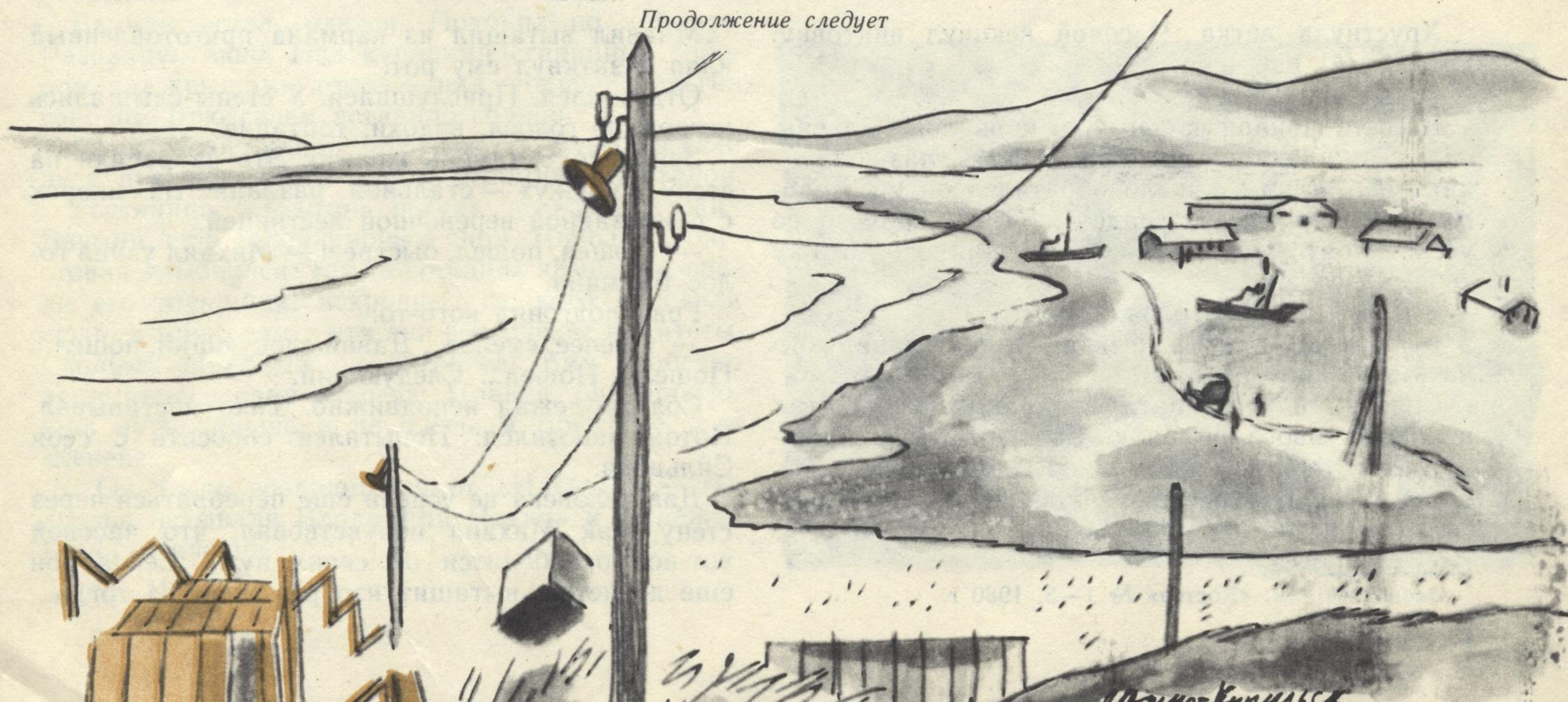
Я шел, оставляя на черном
песке следы босых ног, шел по
берегу океана. И это было уди-
вительно.

Хорошо было на Кунашире,
но нас уже манил к себе Ши-
котан.

Продолжение следует

Первое утро на Кунашире

Лестница в Южно-Курильске

АГЕНТ *ленинской* „ИСКРЫ“

А. ЗВЕРИНЦЕВ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ*

Рисунки И. Дяткиной

Хрустнула ветка. Часовой вскинул винтовку:

— Стой! Кто идет?

— Да вот гуляю...

В свете фонаря из темноты появился Сильвин.

— Тьма же у вас тут, братец, хоть глаз коли, — как ни в чем не бывало обратился он к часовому. — А в стольном граде Санкт-Петербурге по весне стоят белые ночи... И такая это, скажу тебе, красота...

Часовой мотнул головой.

— Назад! — хрипло выкрикнул он и начал сры-
вать винтовку с плеча.

Сильвин вдруг схватился за винтовку и стал валить часового на землю. Солдат не успел крикнуть. Из темноты на помощь выскочили еще двое. Втроем они быстро запеленали часового в арестантское одеяло.

Михаил вытащил из кармана приготовленный кляп и заткнул ему рот.

Отдышался. Прислушался. У стены слышались негромкие голоса, вздохи, топтание.

Звякнуло о камень железо. Это забросили на стену «кошку» — стальной разлапистый якорек с привязанной веревочной лестницей...

— Пошел, пошел, быстрее! — Михаил узнал голос Баумана.

Грач подгонял кого-то:

— Смелее, смелее... Давай следующий, пошел... Пошел... Пошел... Следующий.

Солдат лежал неподвижно. Тихо постанывал. Потом завозился. Попытался сбросить с себя Сильвина.

Два человека не успели еще перебраться через стену, как Михаил почувствовал, что часового вот-вот освободится от своих пут... Сейчас он еще дернется, вытащит изо рта кляп. И тогда...

Окончание. См. «Костер» № 1—3, 1980 г.

— Эх, поторопились... Не связали, как следует... Вот досада какая...

А часовой уже высвободил руки и вцепился Сильвину в арестантскую куртку.

Слева в темноте двигалось небольшое пятно света. Кто-то с фонарем шел вдоль стены...

Как быть?

Звать на помощь? Заново связать часового?.. Лучше один, чем трое. Лучше пусть один... Но один — это ведь он сам.

— Бегите, — приглушенно крикнул Михаил тем двоим у стены.

И изо всех сил прижал бьющегося под ним часового к земле...

ДЕПАРТАМЕНТУ ПОЛИЦИИ — КИЕВСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:

Сегодня, 18 августа 1902 года, в четверть девятого, вечером, из киевской тюрьмы... бежало одиннадцать политических арестантов посредством веревочной лестницы, перекинутой через стену. Часовой был накрыт одеялом и прижат к земле. Розыск производится.

Генерал Новицкий

...Прошло почти два года.

К перрону женевского вокзала мягко подошел экспресс из Германии.

Под сводами вокзала играл военный оркестр. Встречали какого-то генерала. Вокруг столпились любопытные. Среди них, стараясь не выделяться, неторопливо пробирался к выходу высокий, крепкого сложения человек с небольшим дорожным чемоданчиком.

Это был наш знакомый Михаил Александрович Сильвин. Бродяга. Он сбежал из сибирской ссылки и приехал сюда к Ленину.

И ДЕНЬ НАСТАЛ

В этот июльский день 1903 года Николай Эрнестович Бауман проснулся значительно раньше обычного.

Он всегда вставал рано. Но тут проснулся, когда на часах не было пяти. И больше не мог заснуть. Это, наверное, потому, что день сегодня особенный.

Бауман встал, оделся. Походил по комнате. Распахнул окно. Над куполами старинных соборов, над крышами домов — над столицей Бельгии городом Брюсселем вставало солнце.

Было тихо. Улицы пустынные. Только весело пели птицы в густой листве огромных каштанов.

Гостиница «Золотой петух», в которой жил Бауман, еще спала мирным сном. Николай Эрнестович улыбнулся: там, в соседних комнатах, спали его товарищи, искровцы. Те, кого прислали сюда, в Брюссель, в эти дни российские комитеты. Сколько знакомых он встретил! Ему особенно запомнилась одна встреча. Правда, она произошла чуть раньше и не здесь, в Брюсселе, а в Женеве...

...Он тогда возвращался от «Ильичей» — так друзья называли Владимира Ильича и Надежду Константиновну.

Шел он серьезный, задумчивый. Разговор у него с Владимиром Ильичем был очень и очень важным.

Шел не спеша. Прохожих в этот предвечерний час было мало. Хозяева закрывали свои магазины.

Вдруг Бауману показалось, что какой-то человек идет за ним следом.

«Шпик?! — удивился Николай Эрнестович. — Неужели опять?»

С тех пор, как он сбежал из Лукьяновской тюрьмы и добрался до Женевы, слежки за собой не замечал.

Бауман перешел на другую сторону улицы и, глядя в витрины, как в зеркала, убедился, что человек тоже изменил маршрут.

«Ну, нет, шалишь, братец, — с усмешкой подумал Бауман. — Я от волка ушел, от лисы ушел, от тебя, шпик, кто бы ты ни был, непременно уйду».

И прибавил шаг. Завернул за один угол. За другой. Оглянулся. Человека сзади не было видно.

В это время Бауман проходил мимо небольшого ресторанчика. Дверь его была приоткрыта. Николай Эрнестович увидел мягкий стул и шитую золотом фуражку швейцара на нем.

Не раздумывая, он шагнул в дверь. Сел на стул швейцара и надел на голову его фуражку. Когда-то Владимир Ильич рассказывал ему, что так же, в фуражке швейцара, ускользнул от шпиков.

Сидя в кресле, Бауман краем глаза видел, как преследовавший его человек прошел мимо.

Сняв фуражку и освободив место, Николай Эрнестович немного постоял, давая преследователю удалиться, и снова вышел на улицу.

И — буквально столкнулся с ним.

— Вы? — ахнул Бауман. — Ногин!.. Яблочков...

— Я! — развел руками преследователь.

— Так почему же вы сразу не объявились, а выслеживали меня как заправский филер?

— Да ведь я, Николай Эрнестович, не был уверен, что это вы.

— А теперь уверены? — засмеявшись, спросил Бауман.

— Теперь, кажется, да.

— Пойдите, да ведь вы сейчас должны «отбывать» где-то в Сибири? — удивленно спросил Бауман.

— В Сибири, — согласился Ногин. — Но ведь и вы, Николай Эрнестович, должны сейчас находиться в киевской Лукьяновке, если не ошибаюсь.

— Верно, — улыбнулся Бауман.

Бауман привел Ногина к себе. А на следующий день представил беглеца из Восточной Сибири Владимиру Ильичу.

Ногин выполнял задание Ильича в крупном промышленном центре на Днепре — Екатеринославе. Задание трудное: собирал, сплачивал вокруг ленинской «Искры» рабочих, юга России...

...Бауман стоял у окна гостиницы, освещенный нежарким ранним солнцем, слушал пение птиц и думал.

Он думал, как хорошо, что среди приехавших сюда, в Брюссель, закаленных в каждодневной борьбе искровцев большинство таких, как этот бывший его московский помощник Яблочков — Виктор Павлович Ногин.

Другой его московский помощник Богдан — Николай Васильевич Бабушкин тоже, будучи арестован, бежал, перепилив спрятанной в колбасе пилкой решетку в камере полицейского участка. Добрался до Лондона, где тогда жил Владимир Ильич, и, получив задание, снова ведет искровскую работу в России.

Получалось совсем так, как намечал еще будучи в далеком Шушенском Владимир Ильич.

Те люди, которые переправляли «Искру» через границу, распространяли ее в России по заводам и фабрикам, собирали вокруг нее группы и комитеты рабочих, постепенно набрались опыта подпольной работы и стали настоящими профессиональными революционерами.

Сплоченные единой задачей, одним делом, они крепко слились в единую партию.

Ленинский замысел был выполнен. У рабочего класса России из лучших его представителей была теперь своя, решительно действовавшая революционная партия.

Это было замечательно...

...Под окном по каменной мостовой, чуть побрякивая бидонами, медленно проехал молочник в синей короткополой шляпе с пером. Красивая сытая лошадь легко везла его небольшую тележку на мягких резиновых шинах.

Вышел на тротуар дворник. Постоял. Зевнул. Почесал затылок. И нетерпеливо начал разматывать брезентовый рукав для поливки улицы.

А солнце становилось все ярче. Уже начинало греть. День обещал быть жарким.

Стукнула дверь на этаже. Кто-то пошел по коридору. Послышались голоса. Гостиница просыпалась. Наступал день.

Исторический день.

Первый день II съезда партии.

Съезда, на котором из преданных Ленину, делу рабочего класса искровцев была образована партия.

ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ.

**ЗНАКОМЬСЯ,
ТВОЙ
РОВЕСНИК!**

РЕБЯТА ИЗ ЗНАМЕНКИ

Это было во время пионерского рейса по ленинским местам на теплоходе «Александр Попов».

Четвертый отряд знакомился. Каждый должен был рассказать о себе: откуда приехал, как учится, чем увлекается, какими делами заслужил почетное право участвовать во Всесоюзном пионерском рейсе. Дошла очередь до украинской девочки Люды Марикуцы:

— Я из Кировоградской области. Может быть, кто-нибудь из вас слышал — город Знаменка? Учусь на пятерки и четверки. Люблю читать, петь и танцевать. А хорошие дела, за которые меня послали в рейс, вовсе не мои. Мне бы одной за десять лет столько не сделать! Это дела всего нашего отряда.

Кстати сказать, в самой Знаменке у пионеров высокий авторитет среди земляков. Еще бы: они всегда приветливые, вежливые, а главное — трудолюбивые.

Про Украину говорят: житница нашей Родины. Поэтому главная работа украинских пионеров — это прежде всего помощь на полях.

Люда Марикуца учится в 8-м классе. Восьмой год их отряд дружит с ближайшими колхозами — имени Ленина и «Путь Ильича».

В посевную, во время прополки и уборочной ребята — первые помощники. Самые настоящие. Прошлой осенью, например, Людин отряд убрал 600 тонн сахарной свеклы.

— А еще мы травы собираем, — рассказывала ребятам из четвертого отряда Люда. — Ах, какие у нас травы! Пахучие, сочные! А как цветут!..

— Лекарственные травы мы у себя в Белоруссии тоже собираем, — перебил Люду коренастый мальчик с большим блокнотом в руках. — А по сколько граммов на человека? Сухие травы очень легкие...

— Да мы не считаем, — улыбнулась Люда. — Меньше

лукошка никто не приносит. Мы уж с детства так привыкли: не то что у пионеров, у каждого октябрёнка в портфеле сетка или мешочек. Возвращаемся из школы домой, разговариваем и дорогой что-нибудь собираем. Желуди, каштаны, подорожник, ромашку, липовый цвет... А больше всех собрали Ира Баранова, Таня Терица и Таня Феофилова.

— Вам там на Украине хорошо: земля благодатная — чернозем. Палку воткни — зацветет, — задумчиво сказала Алсу Гафарова, вспоминая о своем городе Набережные Челны...

— Чернозем и у нас не повсюду, — очень серьезно ответила Люда. — Но мы стараемся всю нашу землю сделать благодатной.

Возле школы земля плохая. Только самым неприхотливым деревцам и кустарникам в пору. Но на всю округу славятся школьники-натуралисты, они выращивают цветы с мудреными латинскими названиями.

Каждую весну знаменские пионеры привозят в свой сад из лесу живительный чернозем. Поливают сад, окучивают, подкармливают. И цветут аб-

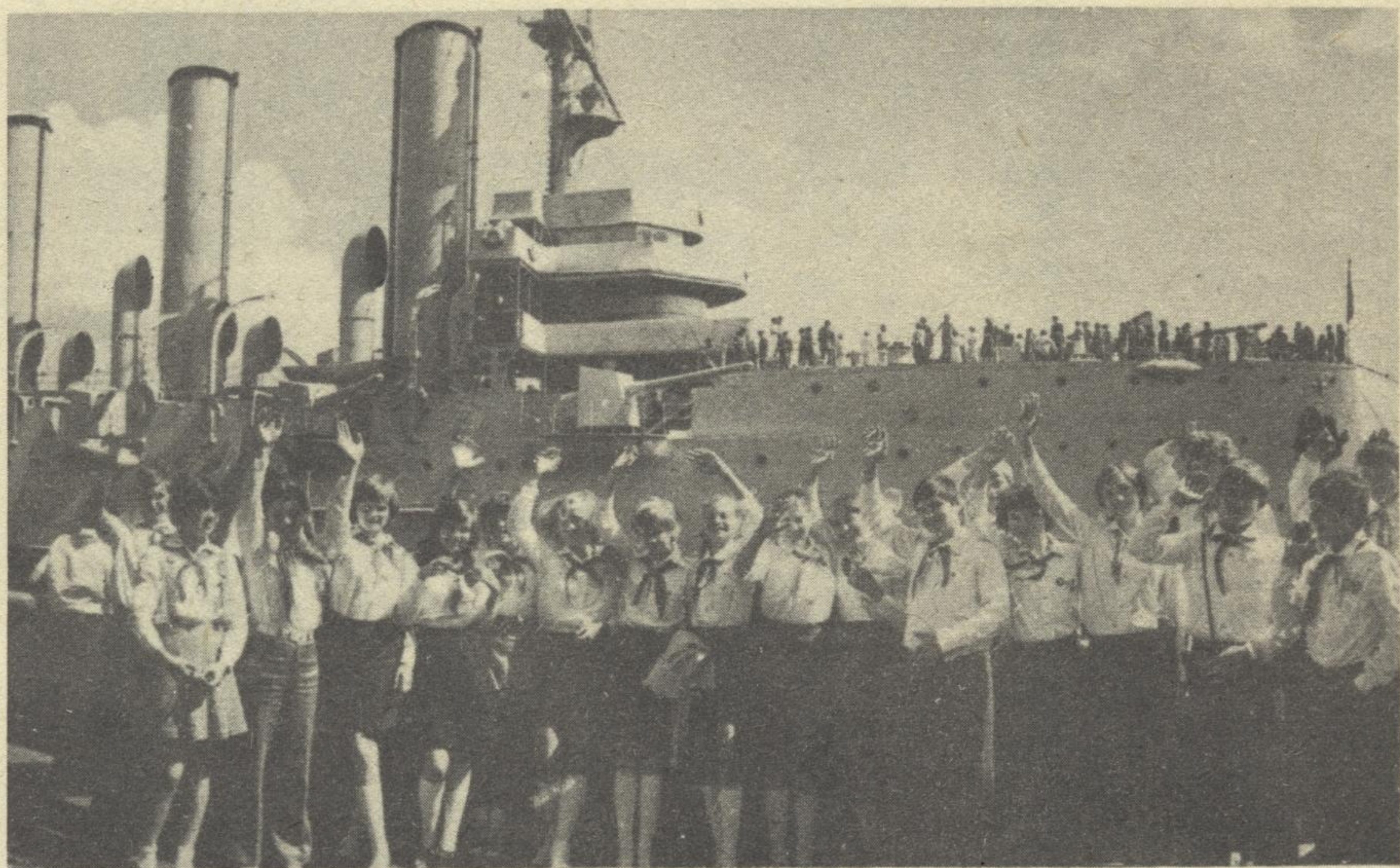

**Люда приглашает
новых друзей в гости**

рикосы, вишня, яблони всем — и большим, и маленьким — на радость. А когда поспевают, каждого, кто идет мимо школы, ребята обязательно угостят.

— И вы приезжайте, — пригласила Люда весь отряд, — наших знаменских фруктов отведаете. Понравится — семена домой повезете.

**Н. ТИМОШЕНКОВА
Фото О. Миронца**

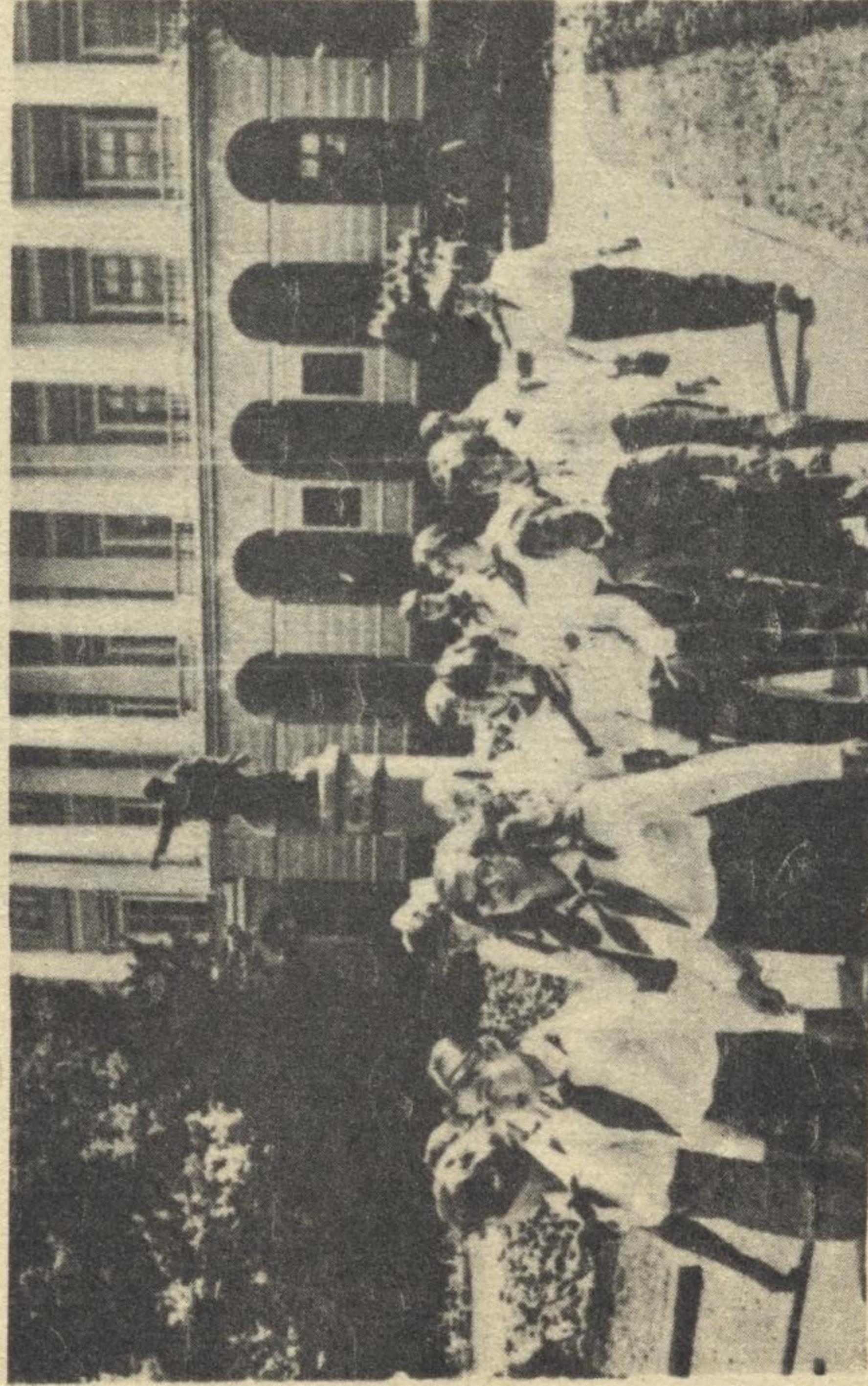
**Участники пионерского рейса по ленинским местам
на экскурсии в Ленинграде**

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

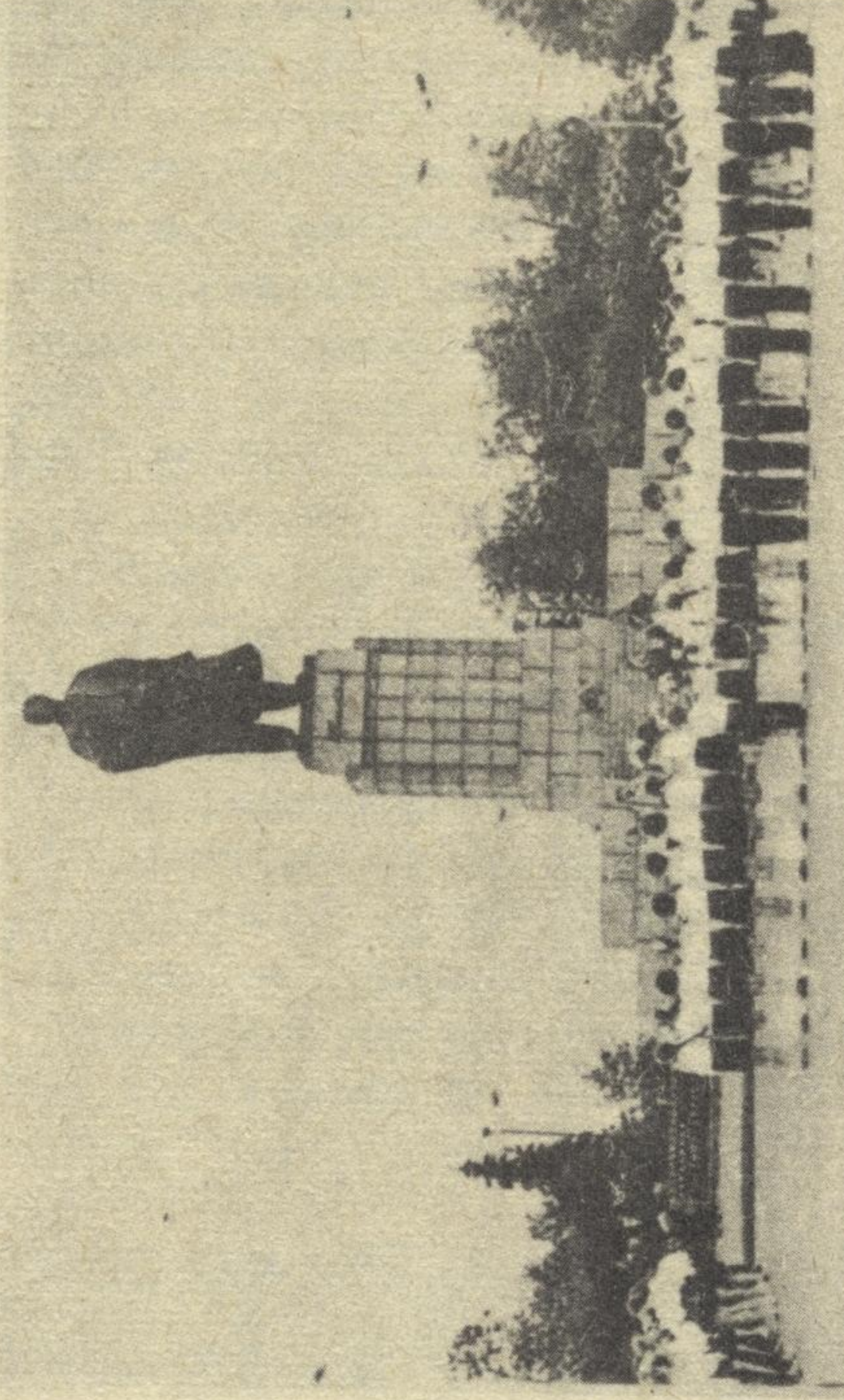

ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!

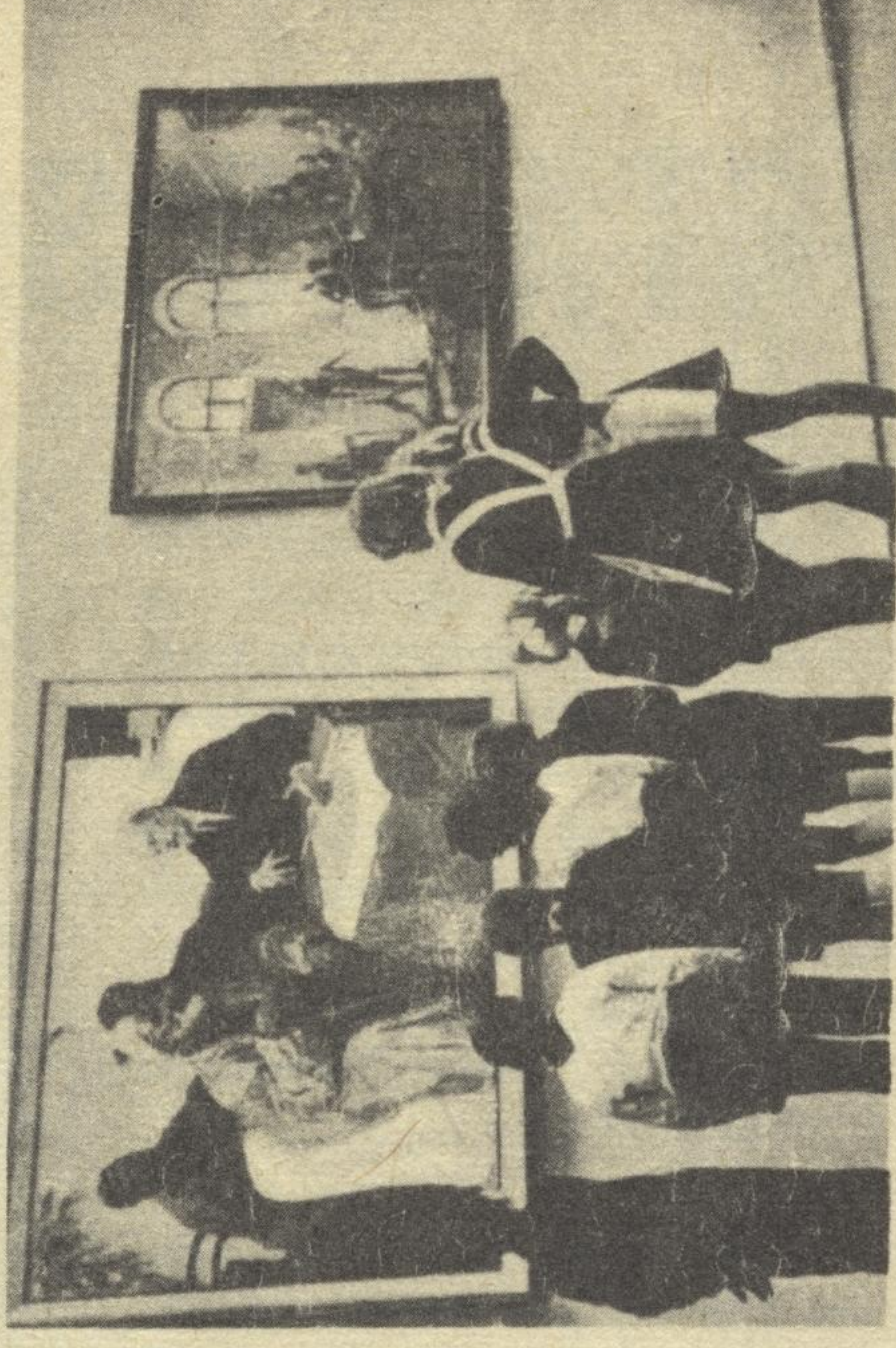
ИДЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ СБОР,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 110-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

Ленинград. Смольный. У памятника В. И. Ленину

Ульяновск. Торжественная линейка. Прием в пионеры

Ульяновск. В школьном музее

Вести с марша

Наша школа № 1 носит имя Владимира Ильича Ленина. Для всех пионеров и комсомольцев это большая честь!

В школе редко кто тройку получит: сто процентов успеваемости. Пионеры дорожат честью школы, хорошо помнят ее выпускников.

Пятнадцать лет назад наш школьный музей получил звание народного. В нем немало материалов о людях, встречавшихся с В. И. Лениным, о его соратниках по партии. Есть в музее раздел, посвященный ударникам пятилеток, нашим шефам.

Совет дружины школы № 1
города Чечерска,
Белорусская ССР

Пионеры пятых классов ведут поиск «Имени Ленина»: стараются узнать о городах, поселках, предприятиях нашей области, которые носят имя великого Ленина. Семиклассники подготовили устный журнал «Соратники Ильича». На торжественном вечере ребята читали стихи о Ленине и революции, исполняли революционные песни.

Валя Землянский,
Леонидовская средняя школа
Пензенской области

Следопыты нашей дружины закончили сбор материалов о людях своего микрорайона, народных героев орденом Ленина. Ребята познакомились со многими замечательными людьми, ветеранами партии и комсомола.

Совет дружины школы № 100
города Уфы,
Башкирская АССР

ВЕЧЕРА

Проснулась под деревом фиалка, посмотрела вокруг, увидала солнце.

«Что это так блестит на небе?», — подумала фиалка. «Это же солнце, солнышко!» — воскликнула, пролетая мимо, ласточка. А фиалка принялась думать: «Кто это? Кто так красиво и высоко летает?»

Прибежала маленькая Наташа, закричала:

— Я фиалку нашла!

А через минуту под кустом

МАЛЕНЬКИЙ КРАСНЫЙ ФЛАЖОК

Наша школа сельская. Мы находимся на территории колхоза «Ленинский путь».

В двух шагах от моего дома молочнотоварная ферма, где работают мои мать и отец. С детства я привык помогать родителям. Конечно, помощь была невелика...

В пятом классе пионервожатая Лена сказала нам, что теперь весь наш отряд может стать коллективным шефом фермы: будем, если хотим, ухаживать за маленькими телятами. В нашей области шла операция «Фермам — пионерскую заботу».

Мы стали участвовать в борьбе за малень-

ПРОЧТИ МЛАДШИМ

Мне очень понравилась книга «Муми-тролль, Людвиг Четырнадцатый и совсем другие».

В этой книге собраны сказки зарубежных писателей. Самой интересной сказкой оказалась мне сказка Яна Экхольма «Тутта Карлссон Первая и единственная...». Эта сказка учит быть смелыми, добрыми, с детства говорить правду.

В сказке есть симпатичный маленький лисенок Людвиг, который, к удивлению своей семьи, не хотел быть хитрым. Он дружит с цыпленком Туттой Карлссон. Из-за своего излишнего любопытства лисенок все время оказывается в неловком положении. Друг Людвига — Тутта всегда и во всем ему помогала...

Мне кажется, это книга о дружбе.

Людмила Петрова,
школа № 45
города Вологды

кий красный флажок — это награда лучшим шефам.

Зоотехник колхоза всегда помогала нам, а учитель биологии Тамара Александровна вела в школе кружок «Юный животновод».

Для своих подопечных телят мы собирали хвойную лапку — витамин. Хвойный отвар мог телятам быстро прибавить в весе... Мы чувствовали, что приносим пользу, помогаем нашим родителям.

Для работников фермы мы устраивали концерты художественной самодеятельности, а в красном уголке не раз отчитывались о своих отрядных делах.

Помогая на ферме, мы все стали лучше учиться. Мы понимаем, что учеба в школе — наш основной труд, его нельзя не уважать.

Сергей Подколзин,
6-й класс,
Мантуровская средняя школа

«В комнате стояли мама, стол и окно с цветком».

«Когда она вернулась из обморока, то никого не узнала...»

Прислала
Люба Кошелева,
поселок Красный Октябрь
Владимирской области

«У казаков вместо шапок на голове были чубы».

Прислал
Гена Гмырин
из Баку

Учитель:

— Что такое прямая речь?

Ученица:

— Это когда говорят правду в глаза.

Прислала
Валя Полюшкина
из поселка Кумская Долина

раскрылась еще маленькая почка, потянулся вверх нежный росток. — Где же подснежник? — удивилась девочка. Долго искала его и не могла найти, наконец, нашла и закричала радостно:

— Ласточка, фиалка и подснежник! Пришла настоящая весна!

Джан Цхомелидзе,
4-й класс, школа № 15
города Цхалтубо
Грузинской ССР

Трехлетняя Инесса:
— Очень люблю маму, Людмилку и Диму.

— А папу?

— А он ведь на работе!

Прислала
Людмила Филенко
из села Мариногорка,
Восточно-Казахстанской области

Учительница:

— Почему цветы подснежника появляются раньше других?

Ученик:

— Им надо есть всю зиму сидеть под снегом.

Прислала
Светлана Коротун
из города Красноармейска
Кокчетавской области

БАРДАШКА

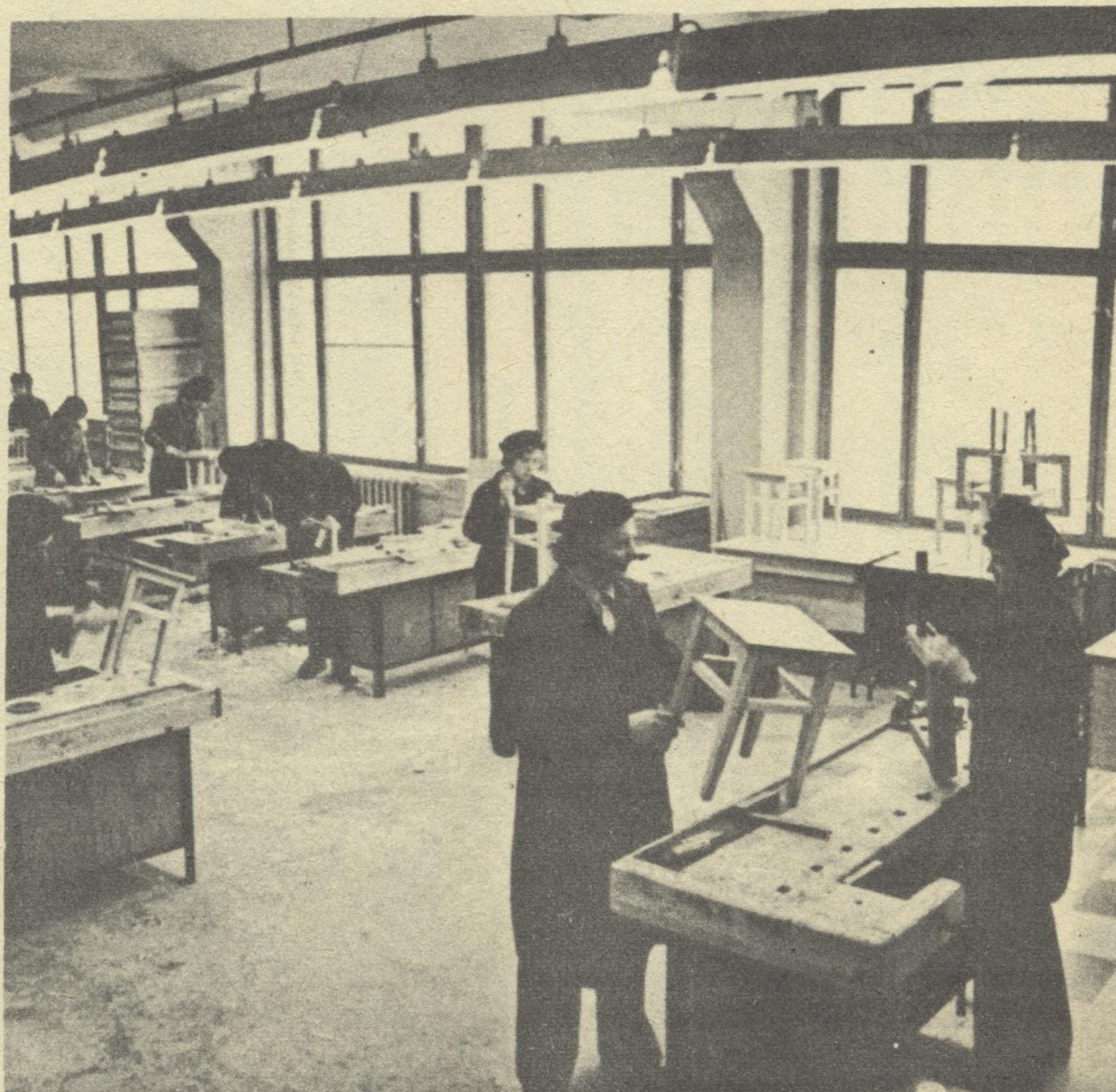
УПОРНАЯ ОЛЯ

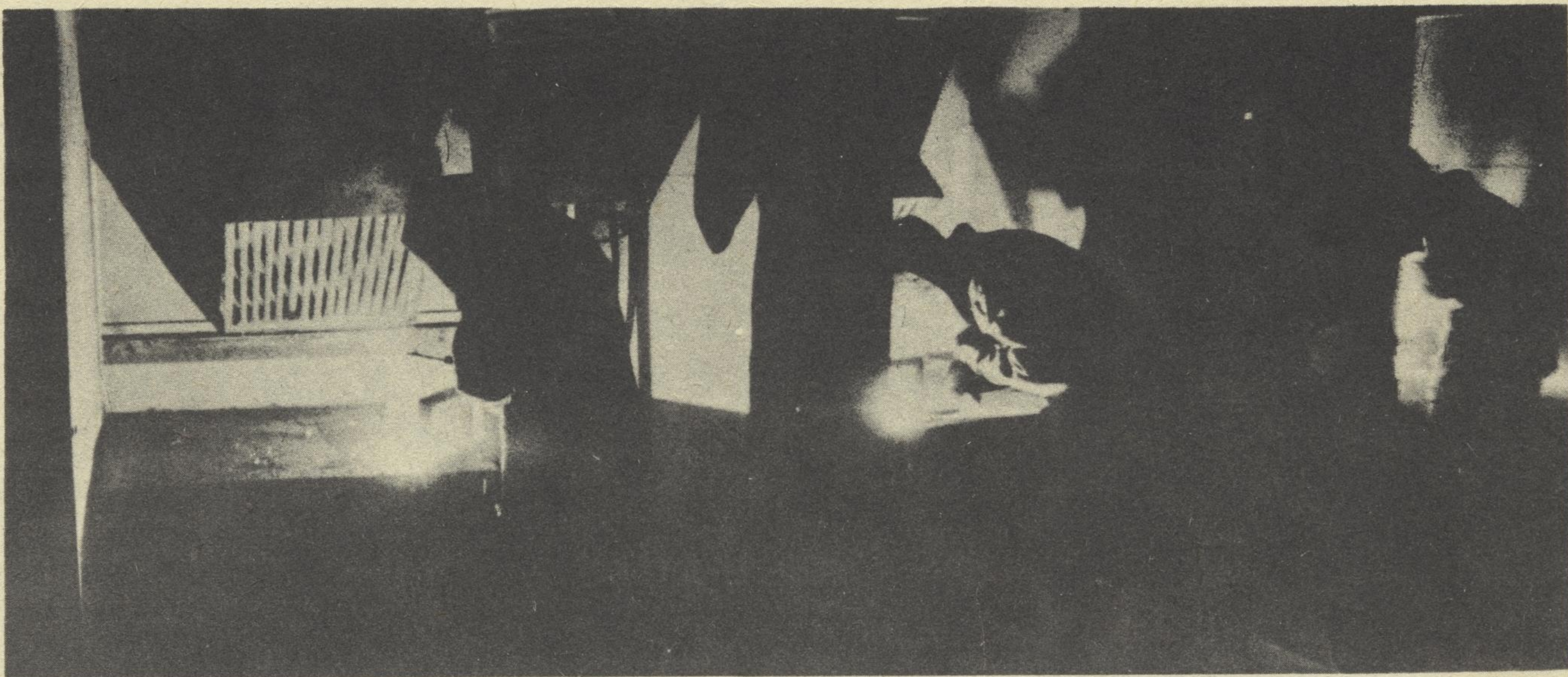
А. ГОСТОМЫСЛОВ

Училище удивило меня своими размерами, множеством коридоров. Сотни ребят выкачивались из высотного общежития, выплескивались из трамваев, собирались у дверей огромной столовой, топоча модными туфлями и ботинками разбегались по классам и мастерским. В училище оказалось полторы тысячи человек!

Я чуть было не заблудился в длинных коридорах, стал заглядывать в двери. За одной сверкала медь — там паяли платы для радиоприемников. За другой слепил яркий свет — там учились электросварщики. За третьей оглушал грохот. Пока разбирался, куда попал, подошла высокая девушка в синем комбинезоне. Выразительно посмотрела на корреспондентский блокнот.

Надела крепкие рукавицы, быстро прошла в угол мастерской и включила машину. Массивный нож со звоном стал рубить ребристые прутки жесткой арматурной стали. Из них

**Борис Александрович Журавлев
со своей ученицей**

**Хороший столяр
начинается
с крепко сделанной
табуретки**

**Учатся сваривать
металл**

**Каждый здесь выбрал
специальность по душе**

девушка сложила решетку. Поднесла к сварочной машине, прицелилась и нажала ногой на педаль. Массивные медные электроды с лязгом сжали прутки, брызнули тяжелые желтые искры. Сколько пересечений прутков, столько ударов электродов.

Из решеток собрала каркас. Это оказалось посложнее. Каркас от толчков развалился, и его пришлось собирать заново. Опять полетели снопы искр, и вот — пахнувший раскаленным металлом каркас готов.

Девушка взглянула на часы и осталась недовольна.

Подошел мастер, встал рядом.

— Смотри...

Аппарат заработал, как пулемет.

— Все-таки хорошо, когда твой мастер Герой Социалистического Труда, — сказала девушка. — Ну-ка теперь снова я.

Мастер, Борис Александрович Журавлев, махнул мне рукой в сторону двери, мол, выйдем — под грохот сварочных аппаратов разговаривать трудно.

— Не бойтесь одних ребят оставлять? — спросил я.

— Почему одних? — не согласился мастер. — С ними бригадир. Оля Ткачева, с которой вы говорили. Все, что показываю, на лету схватывает, будто с детства с металлом дело имела. На нее можно положиться.

Занятия уже кончились, но у Оли твердый распорядок — переоделась, пошла в спортивный зал.

Зал в училище большой и гулкий. Когда тугой мяч попадает в баскетбольный щит, раздается грохот. А когда мяч бросала Оля, то грохота не было, у Оли второй разряд, и она умеет попадать точно в кольцо.

Побежав, Ольга подошла к окну, посмотрела вниз, на жидкий ленинградский снежок.

— Разве это снег? Это же слякоть! Вот у нас в Якутии — снег! Искрится весь, белый-белый!.. А вечером посмотришь — среди спящей тайги, среди нетронутых снегов — зарево, ГЭС строят. Я — оттуда.

Фото В. Лозовского

Три „МЕРКУРИЙ“

Геннадий ЧЕРКАШИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Аземши

В те времена на картах Европы не было таких государств, как Греция и Болгария, Югославия и Румыния, — были народы, подданные турецкого султана: болгары, греки, сербы, хорваты, македонцы, черногорцы, валахи, армяне, грузины и еще многие другие, и была огромная Османская империя, поглотившая эти народы, империя, которая простерлась на три континента — от Асуана, что на Ниле, до Дуная, от берегов Тигра и Евфрата до берегов Атлантического океана. Еще эту империю называли Оттоманской, или Турцией, или Блистательной Портой.

В империи пытали болью и кровью. Пытали рабством. Пытали страхом. Посвист кривых, как молодой месяц, голубых сабель янычар заглушал пение птиц, и соленая человеческая кровь щедро кропила и без того соленую от слез и пота землю. Не выдержав, восстали сербы. Восстали

армяне. Восстали греки. Пики янычар украсились человеческими головами. Даже с мертвых янычары сдирали кожу.

Россия не могла допустить истребления народов.

Уже позади было сто лет кровопролитных войн с Турцией. И впереди было столько же. Войн, ведя которые Россия не только пробилась к Черному морю, вернув свои исконные земли, но и помогла многим народам Закавказья и Балкан обрести свободу, отнятую в средние века воинами в тюбанах.

Весной 1828 года русская армия фельдмаршала Дибича форсировала пограничный Прут и двинулась на выручку восставшей Греции. Той же весной экспедиционный корпус фельдмаршала Паскевича нанес сокрушительный удар турецкой армии в Закавказье: началось освобождение Восточной Армении. Русский флот под флагом вице-адмирала

Гейдена, тот самый, что уже прославился победой в Наварине, блокировал Дарданеллы. Из Севастополя вышел в море Черноморский флот. Об этих событиях и рассказывает повесть.

ПРОЛОГ

...Первый крик раздался на рассвете, когда на море лежал туман и редкие волны с тихим плеском разбивались о скалы. И крик этот был страшным, потому что был криком смерти, и он пронесся над зеленой долиной, над виноградниками и плантациями олив, над рощей алеппской сосны и апельсиновыми садами, над приземистыми хижинами пастухов и, наткнувшись на скалистую гряду с мраморным карьером, рассыпался, как разбитое стекло, — и люди слышали эхо.

Потом раздался выстрел.

Еще спали в деревянных люльках младенцы. Спали, безмятежно раскинув руки, юноши — потомки древних эллинов. Спали их матери и отцы. И только те слышали крик смерти, кто выгонял из хлева скотину или готовил лодки к выходу в

море. Люди вздрогнули, настороженно прислушались — и до их слуха донесся дробный стук копыт, да тихое ржание арабских коней...

На закате, когда багровое солнце погрузилось в светлые воды Эгейского моря, янычары собрались в лагере на берегу. Неторопливо и заботливо они обтирали свои короткие ятаганы и ногтем проверяли, сколь сильно они притупились. Янычары были голодны, их мучила жажда, и они устали. Запылали костры, над которыми повисли бараньи туши. Отмыв пот и кровь, воины в турбанах совершили вечерний намаз. Затем они жевали баранину и запивали ее зеленым чаем. Они так устали, что уже ничего не говорили друг другу, только жевали горячее мясо и глотали чай, и глаза у них были красными от напряжения, но ни жалости, ни раскаяния, ни простого сострадания в них не было, хотя весь день с рассвета до заката они резали людей. И бей, который их привел сюда, уже объявил, что из ста тысяч жителей острова Хиоса в живых оста-

лось совсем немного, да и те будут выловлены и проданы в Египет, в рабство.

Ночью среди звона цикад до лагеря иногда долетали слабые стоны. Часовой, дремавший у костра, поднимал сонную голову, равнодушно прислушивался, опираясь на пику, и снова впадал в дрему. «Такова воля падишаха... Такова воля пророка Магомета... Такова воля самого аллаха...», — думал он, когда долетавшие до лагеря янычар стоны снова будили его...

БЕЛЫЕ ПРИЗРАКИ

Они всегда появлялись неожиданно, белые призраки, легкие, как птицы, и парили в синеве, морской и небесной, дерзкие и манящие.

Но все попытки краснобортных кораблей капудан-паши догнать их заканчивались ничем — призраки исчезали.

И гуляла по всему турецкому побережью от Дьявольской реки в Румелии до Синопа в Анатолии молва о духах шайтана, сжигающих султанские корабли. Из бухты Шили увели они два судна, а семь оставшихся спалили в гавани. У мыса Кефкен-Адаси пропали еще три купеческих судна....

Вставало солнце на востоке и садилось солнце на западе. Падали на воду туманы и таяли. Свинцовой стеной вставали дожди и иссякали, повинаясь воле аллаха. И только белые призраки появлялись неожиданно и плясали на волнах, неуловимые, как чайки...

Из бело-розовой пены цветущих садов взмывали к небу минареты, и пчелиное гудение заглушало выкрики уличных разносчиков воды. По ночам в черной воде Босфора, соленой реки, разделившей Азию и Европу, отражался яркий серп луны. И с весенней неистовостью, задрав к небу острые морды, заливались в лае бездомные константинопольские собаки.

Лай собак будил верховного адмирала Порты капудан-пашу. Он хлопал в ладоши, и бодрствующий мавр приносил ему раскуренный кальян. Старик брал в руки гибкий мундштук и надолго задумывался. Он вспоминал своего сына капитана Али, погибшего в наваринском бою. Корвет «Нассабиhs Сабах», которым командовал сын, русские увели из Наварина с собой, и теперь, перекрашенный и переименованный в «Наварин», корвет этот маячил среди русских кораблей на виду Дарданелл.

Капудан-паша не был в Наварине: турецкими силами командовал там Тахир-паша, а египетскими — адмирал Мухарем-бей, но от очевидцев слышал он, как дым превратил день в ночь, а красное пламя пылающих кораблей — ночь в день. Бледнели звезды на наваринском небе и таяли от нестерпимого жара, словно выброшенные на горячий песок медузы. Русские задавали тон в этом сражении, и сердце старого адмирала распирало ненависть к русским такая же лютая, как зимний ветер норд-ост, дующий из заснеженных донских степей. Мечтал адмирал о том, чтобы

самому бросить парусную армаду на Севастополь, чтобы самому насладиться зрелищем пылающих кораблей, чтобы самому увидеть, как гигантские языки пламени станут слизывать звезды над русским городом. Но полтора года назад погиб в Наварине великий флот Порты — сто двадцать шесть боевых кораблей, а тех, что стояли в Босфоре, положив на дно якоря, было мало, чтобы сразиться в открытом бою с русским флотом. И поэтому корабли Грейга подходили к турецким крепостям на расстояние пушечного выстрела и открывали огонь. Транспортные суда из Одессы подвозили пехоту и высаживали на берег десанты. Тысячи орудий громили крепостные стены. Тысячи солдат бросались на приступ. В июне прошлого года пала Анапа. В конце сентября — Варна. И хотя Дунайская армия пока успешно противостояла русским на Балканах, в Закавказье фельдмаршал Паскевич уже овладел Карсом, крепостью, которая считалась неприступной, и теперь русский корпус был на пути к Эрзеруму.

Но сильнее всего тревожили капудан-пашу действия русского флота. В марте отряд кораблей под андреевским флагом внезапно появился перед Сизополем и легко овладел городом, расположенном на скалистом полуострове. Попытки сераскира* Румелии Гуссейн-паши отбить Сизополь не принесли успеха — город с прекрасной, тихой, просторной гаванью, которая могла вместить чуть ли не весь Черноморский флот, теперь находился в руках русских. При хорошем попутном ветре на переход от Сизополя до Босфора требовалось всего несколько часов. Над столицей нависла опасность. И капудан-паша распорядился готовить турецкий флот к военной кампании.

БРИГ „МЕРКУРИЙ“

Стена тумана встретила их на широте Инады, огни которой уже мерцали с правого борта. Она встала на пути будто айсберг — таким плотным и светлым был туман. Но бриг вошел в эту стену, не уменьшая парусов, вонзился, как нож, чтобы оставшиеся до пролива девяносто миль идти в сплошной пелене. И они шли словно слепцы, доверившиеся поводырю.

Поводырем был невысокий коренастый человек с крупной головой и вислыми усами — поручик корпуса штурманов Прокофьев. Он выходил на палубу, запрокидывал голову в надежде увидеть просвет, чтобы сориентироваться по звездам, но мачты вместе с реями и парусами исчезали в клубящейся пелене. Измерив лагом скорость судна, Прокофьев возвращался в штурманскую каюту и, склонившись над картой, делал расчеты. Затем снова выходил на палубу и проверял курс по компасу. «Меркурий» шел на зюйд-зюйд-ост, строго на зюйд-зюйд-ост. В том же направлении по осени летели журавли...

Утром одиннадцатого апреля через мраморный портик дворца Долмабахче в сопровождении великого везира и свиты вышел султан Махмуд

* Сераскир — военный правитель области.

Второй, сын убитого заговорщиками султана Селима.

Решительным шагом ступил Махмуд на палубу своей раззолоченной галеры, по дорогим коврам прошел и величественно сел на подушки. Властным был взгляд его черных горящих глаз, властными были тонкие губы в окаймлении короткой бороды и усов, прекрасен был крупный изумруд, украсивший чалму над переносицей, прекрасна расшитая золотом одежда. Всем было известно, что силой вернул себе трон Махмуд, силой же мечтал он вернуть былое величие Порте, однако неудач было больше, чем удач, и бронзовый с впалыми щеками лик султана чаще выражал гнев, чем радость.

Двадцать шесть гребцов разом подняли весла, и галера понеслась по проливу, как огромная сказочная птица.

Галера ловко подошла к большому линейному кораблю «Селимие», над которым трепетал флаг капудан-паши. По переброшенным сходням султан перешел на палубу флагмана. Прижав руки к груди и низко склонившись, капудан-паша сделал шаг навстречу падишаху.

— Сераскир Румелии, — проговорил Махмуд тихим голосом, — пытаюсь отбить у русских Сизополь, бросил на штурм четыре тысячи пехоты и тысячу восемьсот конницы! Но наших воинов встретили картечью. Разве русская эскадра в Сизополе сильнее нашей?

— Мой повелитель... — попытался возразить капудан-паша, но султан нетерпеливо махнул рукой и продолжал:

— Русские — повсюду. Они хозяйничают в Фаросском заливе, как у себя дома. До каких пор мой капудан-паша будет позволять им маячить чуть ли не перед дворцом своего повелителя?

— Флот готов выйти и сразиться с противником! — проговорил капудан-паша.

— Что ж, посмотрим, на что еще годятся наши моряки, — произнес султан, и в окружении свиты поднялся на мостик.

Дул свежий зюйд-вест. Солнце то пряталось в быстролетящих облаках, то его лучи, пробив пелену, веером падали на заросшие сосной и можжевельником высокие берега, скользили по светло-зеленой поверхности пролива, заливая все вокруг золотистым светом. Пять линейных кораблей и пять корветов, два фрегата и два брига острием своих бушпритов смотрели на север, туда, где крейсировали корабли неприятеля — «белые призраки», нагоняющие ужас на жителей побережья.

— Можно начинать, — распорядился султан и протянул руку за подзорной трубой.

Поймав в паруса ветер и накренившись на правый борт, первая группа краснобортных кораблей резво понеслась к выходу в Черное море. Полоса свинцового тумана закрывала горизонт, отчего паруса на мачтах кораблей казались особенно белыми. Припав к окуляру подзорной трубы, султан с неожиданной жадностью следил за плавным скольжением парусных громад, и уверенность, что ему удастся вернуть Порте былую мощь, вызвала радостное сердцебиение. Да, он

еще построит корабли! И будет их много, столько же, сколько у британцев, — сотни! И вновь непобедимым станет его флот! Но что это?.. Нет, он не ошибся — в тумане медленно плыл белый призрак. Уже можно было различить его мачты.

Так и есть — на чистую воду выбирался чернобортный бриг. Он шел с завидным хладнокровием, он приближался, вырастая на глазах, скуластый бриг с андреевским флагом на грот-брамстенге. Приглядевшись, султан узнал в деревянной фигуре под бушпритом изображение олимпийского бога, которого древние греки именовали Гермесом, а римляне — Меркурием.

Затаив дыхание, султан ждал, что будет дальше...

Неожиданно впереди ослепительно сверкнуло море, и на полном ходу «Меркурий» вырвался из тумана. И сразу же все, кто находился на палубе, увидели высокие зеленые берега, голубое русло пролива, каменные короны батарей на европейской и азиатской стороне, три линейных корабля на якорях выше Буюкдера, и фрегат, идущий под всеми парусами в Черное море.

Расстояние между бригом и этим фрегатом сокращалось, но «Меркурий» продолжал идти все тем же галсом. Стоя на шканцах, Казарский хладнокровно рассматривал в подзорную трубу корабли, над одним из которых трепетал зеленый флаг капудан-паши. Дерзкая мысль лечь на правый галс и пройти на расстоянии пушечного выстрела от турецких батарей овладела капитаном. Он уже проделал такое неделю тому назад. Турки открыли тогда бешеную стрельбу. Огромные мраморные ядра с шипением пролетели над палубой, вздымали высокие фонтаны воды. К счастью, все закончилось благополучно. Но в тот апрельский день пролив был пуст, а сейчас здесь стоял трехдечный корабль самого капудан-паши...

Сомнений больше не было — неприятель решился наконец покинуть Босфор. Предписание, которое имел на этот случай капитан «Меркурия», гласило: немедленно идти в Севастополь! Иначе малочисленный отряд Скаловского окажется запертым в Сизопольской гавани и вынужден будет вступить в неравный бой. Сколько часов смогут продержаться корабли под огнем корабельной и береговой артиллерии? Отряды Гуссейн-паши, сильно поредевшие за время штурма Сизополя 28 марта, расположились на склонах гор, неподалеку, и всадники в ярких долименах маячили на расстоянии пушечного выстрела. Никто в Сизополе не сомневался, что если турецкий флот выйдет в море, сераскир Румелии опять пошлет своих воинов на штурм, и быть тогда беде. Спасти Сизополь могла только эскадра Грейга.

Скомандовав к повороту, Казарский снова взглянул туда, где рядом с трехдечным линейным кораблем капудан-паши стоял двухдечный корабль младшего флагмана. Капитан «Меркурия» не знал, не мог знать, что через месяц судьба сведет его бриг с этими кораблями.

В МОРЕ

Четырнадцатилетнему штурманскому ученику Феде Спиридонову не спалось. Он натянул сапоги и вышел на палубу, где нес вахту сосед по каюте кондуктор Селиверст Дмитриев.

Накренившись на правый борт и оставляя за кормой светлый след, бриг резво шел под всеми парусами. Далеко позади остался Севастополь с выкриками часовых «Слу-у-ша-ай...» и «Кто гребет?», с пляшущими на волне отблесками тусклых бортовых фонарей, с залиvistым лаем дворян в слободках, с запахом черемухи, с мамой и братишками, которые, не зная, что Федина бриг заходил в Севастополь, спали сейчас на топчане.

В Севастополе «Меркурий» уже не застал эскадру Грейга — накануне она ушла в Сизополь, и пока капитан ездил на берег с рапортом командиру Севастопольского порта вице-адмиралу Беллинсгаузену, пока пополняли запасы воды и провизии, Федя все мечтал вырваться домой, в свою Аполлонку. Дом был рядом, в пяти минутах от Павловского мыска, возле которого стоял бриг, но капитан отдал строгий приказ — никому на берег не сходить. Казарский намеревался настигнуть ушедшую эскадру в море и поэтому потопрапливал и офицеров, и боцмана, и матросов. Пока «Меркурий» покидал родную гавань, Федя все смотрел на свой домик, крошечный белый домик на берегу.

Не удалось побывать дома, что ж теперь поделаешь... Федя вздохнул и пошел на корму к штурвалу, где слышались приглушенные голоса.

Фонарь «летучая мышь», мерно покачиваясь, едва освещал участок палубы перед штурвалом. Два матроса, стоя лицом друг к другу и навалившись на рулевое колесо, исполняли команды Селиверста.

Заметив мальчика на палубе, Селиверст не стал бранить ученика за то, что он разгуливает в ночное время, а, поманив его пальцем, поставил рядом с собой. Столкнувшись с крупной волной, бриг вздрогнул и зарыскал.

— Лево руля! — скомандовал Селиверст. — Навались, навались, ребята!

Матросы налегли, поворачивая штурвал. Один из них застонал.

— Худо, Гусев, да? — шепотом спросил Селиверст, когда бриг выровнялся.

Закусив губу, Гусев стоял, вцепившись в штурвал, и Федя понял, что матрос едва держится на ногах.

Гусев был одним из четырех штрафников, которых накануне отхода из Севастополя доставили на бриг. Самому старшему из них, Артамону Тимофееву, было уже лет пятьдесят. Значилось на его счету не одно сражение с французами и турками под флагом адмирала Сенявина. Был он приземист, могуч, краснолиц. В день святых сорока мучеников сошел он на берег и целую неделю не показывался, гулял. Пропил он и казенную голландку, и брюки, явился на свой корабль в каком-то рванье. Когда об этом доложили Грейгу, велел адмирал отпустить ему сорок пять линьков, пригрозив, что ежели такое еще раз повторится, получит старый матрос все сто.

Столько же линьков досталось Ипполиту Ерофееву. На шестнадцатом году службы бежал матрос, потому что не вынес побоев невлюбившего его боцмана. Поймали его в Симферополе, когда он уже пристроился к чумакам, собравшимся на Сиваш за солью.

Марсовый матрос Филипп Васильев отделался на первый раз легко — всего пятнадцатью линьками. Пожаловался бедняга адмиралу на своего командира.

Больше всего досталось Афанасию Гусеву, который был пойман после третьей попытки убежать с корабля. После первой попытки получил он полагающиеся по такому случаю сто линьков, после третьей — пятьсот! Это был невзрачный матросик с запавшими глазами. Морщась от боли, он по приказу фельдшера Прокофьева, однофамильца штурмана, снял голландку, и Федя чуть не вскрикнул, когда увидел нечто багрово-красное, вспухшее, гноящееся, что должно было быть человеческой спиной.

— Как же можно принимать такого матроса на службу, Дмитрий Петрович? — обращаясь к вахтенному начальнику мичману Притупову, недоуменно проговорил фельдшер. — В лазарете Гусеву место.

— Ну вот еще, станем теперь опекать арестанта, — мичман брезгливо поморщился. — Бросьте, фельдшер, зарастет на нем шкура ако на собаке, смажьте ее карболкой — и все дела.

С безразличным видом Гусев поплелся за фельдшером, а Федя, свесившись за борт, стал пристально смотреть на воду. Нежные краски

заката тихо плыли по гавани, всплескивая то синей, то желтой волной. И слава богу, что никто в ту минуту Федю не окликнул.

— Селиверст, — проговорил Федя дрогнувшим голосом, дергая Дмитриева за рукав, — отпусти матроса с вахты.

Дмитриев помотал головой.

— То не в моей воле, Федя. К их благородию Притупову надлежит обращаться, как к вахтенному начальнику, а он, — dokonчил Дмитриев, понизив голос, — ни за что матроса с вахты не отпустит.

— А что, ежели прямо к капитану, Селиверст? — прошептал Федя, умоляюще глядя на кондуктора. — Ведь все говорят, что их благородие человек добрый, даже мичману мозги вправлял, чтобы не забижал зазря матроса.

— Эх, Федя! Не положено, понимаешь, так, чтоб через голову начальника! И хватит об этом!.. Полегчало, Гусев? — обратился Дмитриев к матросу.

— Ох саднит спину, братцы! Нет мочи, ежели правду сказать, да только не сыщешь ты правды, хучь всю Расею обойди вдоль и поперек, а потому терпеть надо или уж...

— Тихо, тихо, Афанасий! — прервал матроса товарищ, — ведь за такое и на каторгу сослать могут.

— Семь бед, один ответ, Степан, сам не хуже моего знаешь. А вам, братцы, спасибо за сочувствие...

Гусев замолчал, и стало слышно, как плещет о форштевень волна.

РУССКИЕ КОРАБЛИ НА СИЗОПОЛЬСКОМ РЕЙДЕ

Солнце вставало с левого борта, оранжево-красное в утренней пепельной дымке. Шли под лиселями, скользили по молочной зеркальной воде навстречу берегу, переплетенному тугими синими жилами Балканских гор. Где-то там, в поднебесье, сражались друг с другом две армии, и не было пока перевеса ни у той, ни у другой стороны, а вдоль побережья, лишенного поддержки с моря, проходил другой фронт, и в постоянном страхе, в ожидании нападения с моря пребывали усиленные сераскиром Румелии турецкие гарнизоны в крошечных приморских крепостях — Мидии, Инаде, Агафополе, Василико, Ахиоло и Месемврии.

Дробя и рассекая прозрачную, как хрусталь, воду Фаросского залива, «Меркурий» плыл мимо городов, которые были городами еще задолго до походов Александра Македонского, мимо родины Спартака Фракии — мимо тех самых берегов, откуда некогда начинались земли славянской страны Болгарии. Чайки, гордые птицы, не ведающие, что такое неволя, парили рядом с белыми парусами или взмывали над мачтами, распластав выгнутые, как серп, крылья.

Еще не пришел час утренней побудки, и в низких кубриках на подвесных койках спали свободные от вахты матросы, а капитан брига уже поднялся на палубу. Он стоял на носу, по привычке скрестив на груди руки, и взгляд его был обращен к югу. По ту сторону Фаросского залива лежал Сизополь, куда, возможно, уже наведалься турецкий флот и куда под всеми парусами шла эскадра Грейга...

Еще на подходе к Сизополю Казарский увидел в подзорную трубу лес мачт, и сразу же отлегло от сердца. Хоть совершенный «Меркурием» круиз оказался напрасным, было радостно от того, что все, оказывается, делалось правильно, и что адмиралы в Севастополе думали так же, как и капитаны кораблей в Сизополе, как командир крейсера отряда Скаловский и как он сам. Флот теперь казался ему одним разумным существом, как, наверное, и должно было быть. В Севастополе он узнал, что Кавказский экспедиционный корпус фельдмаршала Паскевича ведет успешные операции против Гаки-паши и шаг за шагом продвигается к Эрзеруму — второму по величине и значению городу после Стамбула. Все это вселяло надежду на скорое окончание войны, и все, с кем он ни говорил, считали, что император только тогда подпишет мирный договор с султаном, когда тот откажется от Греции и предоставит автономию сербам. Полное уничтожение турецкого флота могло заметно приблизить этот день, и, глядя на знакомое переплетение мачт и рей, на змеинные извивы еще не спущенных голубых вымпелов, он уже жаждал боя — той решительной схватки, где есть только один вопрос «кто — кого».

На уборку парусов и постановку на якорь с момента команды «По марсам!» ушло чуть больше двух минут. Казарский не сдержал улыбки, он знал, что капитаны других кораблей его мысленно поздравляют в эту минуту.

НА БЕРЕГУ

Заступивший на вахту лейтенант Новосильский первым делом решил проверить запасы провизии, воды и песка. Он обошел бриг, заглядывая во все уголки и делая пометки в своем маленьком карманном блокноте. Снарядив затем на берег команду за песком, он назначил в ней старшим Федю Спиридонова, который без дела стоял у борта и томился.

Федя, довольный тем, что ему доверили столь важное дело, как заготовку песка, вытянулся перед Новосильским в струнку, звонко крикнул: «Есть!» и понесся к матросам, которые уже с пустыми мешками спускались в большую шлюпку.

День был солнечный. Редкие белые облака лениво проплывали мимо, сливаясь на горизонте с водой. Шлюпка под выкрики унтер-офицера «И-и раз, и-и два...» бойко пошла к берегу — к низкой, обросшей ракушками и зеленой травой, каменной набережной, где покачивались на редкой волне белые рыбацьи лодки — гемии.

Все радовало мальчика в это утро — и обшитые дубовым тесом, потемневшим от соленых ветров и палящего солнца, дома, и крупные чайки — гларусы, застывшие на черепичных крышах, и мельницы с плавно вращающимися парусиновыми крыльями на краю обрывистого восточного берега. Смуглолицые женщины в черных платьях жарили рыбу в крошечных двориках, и запах кипящего оливкового масла, рыбы и дыма в этом городе смешивался с запахом нагретого дерева, красных скал, пыли, мокрых сетей и гниющих водорослей.

Запахи ли эти или что другое напомнили Феде о доме. В Аполлонке, поди, тоже сейчас жарят во дворах рыбу, и прямо напротив калиток на зеленой волне покачиваются привязанные ялики, а на песке сушатся сети.

Из задумчивости Федю вывел хриплый голос старого канонира Артамона Тимофеева.

— Плавали мы тогда, братцы, — говорил дядя Артамон, — в Средиземном море под флагом Дмитрия Николаевича Сенявина, бесстрашного адмирала, с которым мы и француза били, и турка...

— Ты нам, дядя Артамон, о битве у Афиновой горы хочешь рассказать? — полюбопытствовал марсовый матрос Анисим Арехов.

— Нет, братцы, о чем я хочу вам поведать чуток ранее случилось. Шли мы тогда к Дарданеллам, а на пути у нас стал остров Тенедос. Остров-то небольшой, но крепость на нем серьезная, потому как закрывает собой пролив. Дмитрий Николаевич как рассуждал: ежели мы остров этот возьмем, то выход из пролива у нас будет на виду, а в проливе турецкий флот, и мы его, стало быть, не прошляпим... Ну хорошо, подошли мы к острову, надо же его брать штурмом. Надо

высаживать на берег десант, а турки то ж не дураки, вышли из крепости, заняли позицию на холмах. Скажу вам, братцы, что в обороне турки злющие, держатся стойко, сами видели под Анапой и Варной. А тут мы с палуб замечаем, что и земляные укрепления у них перед стенами возведены, стало быть нелегко будет в крепость прорваться. Всю операцию Дмитрий Николаевич нашему Грейге поручил, он уже тогда в контр-адмиралах ходил, ведь тоже с малолетства на море и труса никогда, говорят, не праздновал. Велел Грейга открыть огонь, и под таким прикрытием на шлюпках свезли мы на берег, почитай, два полка егерей. Один полк пошел прямо, а другой стал заходить в тыл. Турки как заметили, что им в тыл егеря метят, так и ретировались за крепостные стены. А у Дмитрия Николаевича правило было такое — прежде, чем посылать своих солдатиков на штурм, всегда засылал в крепость ультиматум, предлагал сдаться под честное слово, не братья больше за оружие. И если командант был согласен, то Дмитрий Николаевич свое слово держал крепко, отпускал всех с миром и даже личное оружие разрешал брать с собой, кинжалы там всякие, сабли, ятаганы, пистолеты, никогда мы это добро не отбирали, хотя приходилось видеть дорогое оружие, украшенное и золотом и камнями драгоценными.

— Что ж, так и уносили с собой оружие?! А вдруг слова не сдержат басурмане, что тогда, а, дядя Артамон? — поинтересовался Федя, которому еще не довелось видеть дорогого турецкого оружия, но который много слышал о голубых дамасских клинках.

— Слово, Федя, надо держать. Не стал бы слово держать Дмитрий Николаевич, как бы он от других стал требовать?.. Не-ет, — Артамон Тимофеев покачал головой и рукавом рубашки вытер вспотевшее лицо. — У-ф-ф жарко, братцы. Апрель, а такое пекло...

— Продолжай, Захарыч, — робко попросил кто-то.

— Ну, вот... — снова заговорил старый матрос тем голосом, по которому безошибочно можно было узнать опытного рассказчика, — задумался Дмитрий Николаевич, кого к коменданту послать с пакетом. Случалось, что турки убивали наших парламентаров, да еще как убивали зверски, а своим человеком наш адмирал riskовать не хотел. Стали предлагать пленным, но куда там... По их обычаю каждый пленник считается изменником султану, хорошо еще, если на страх других его только обезглавят... Жестокие у бурсман, братцы, обычаи, поэтому никто не согласился доставить послание адмирала в крепость. И вдруг Дмитрию Николаевичу докладывают, что хочет его видеть молодая турчанка с ребенком, просится, мол, на корабль. Звали эту турчанку Фатьмой. «Узнала, — говорит она адмиралу, — что ищешь ты человека, который согласился бы пойти с твоим письмом в крепость. Узнала я, что потому ты ищешь человека, что не хочешь кровопролития. Я согласна, господин, отнести твое письмо паше». «Но тебя убьют!» — предостерег женщину наш адмирал. «Пусть лучше убьют одну

меня, чем убьют тысячи людей. А ты обещай, большой начальник, что вырастишь тогда моего сына честным человеком, я доверяю его тебе», — и с этими словами протянула Фатьма своего сына адмиралу...

— Ух ты! — невольно вырвалось у Феди. — Сама отдала...

— Отдала, братцы... Такая вот женщина оказалась. Взяла она пакет. Мы, понятное дело, огонь прекратили. Запели трубы и с нашей стороны замахали белым флагом. Вышла вперед Фатьма и пошла по полю к крепостным воротам. И тут, братцы, сами же турки дали по ней залп! Мы так все и обмерли, ведь убьют женщину, которая их же, стервецов, вызвалась спасти... «Ай, думаем, пропала баба ни за понюшку табака! Ох и дела...» А она все идет. Подняла руку с пакетом и идет, ни разу не оглянувшись, представляет... Ни разу! И хоть бы пригнулась под выстрелами. Видно и у них совесть заговорила, прекратили стрелять, открыли ворота, впустили ее...

Артамон замолчал и взглядом проводил чайку, которая снялась с крыши и, лениво махая огромными крыльями, полетела в гавань.

— Не томи, Захарыч, — взмолился Анисим. — Дальше-то что?

— А дальше все закончилось благополучно, — спокойно ответил Артамон. — Турки посовещались, условия сдачи крепости были выгодные, поэтому они их приняли. Фатьму они не тронули, потому что были ей признательны, да еще не хотели гневить нашего адмирала, который сразу же осведомился, что с Фатьмой. Турки сели в свои лодки и ушли на материк, а мы свезли с кораблей скотину, высадили матросов, чтоб пасли ее, чтоб коров доили, и стали ждать случая. Было это в марте, а случай представился только в мае, когда Сеид-Али вывел свой флот из пролива...

Старый канонир замолчал, молчали и все остальные. Так в молчании они пересекли городок и вышли на песчаный пляж, открытый морской волне. Солнце уже подбиралось к зениту, но окрепший к полудню бриз нес морскую прохладу. Матросы сбросили голландки и, повязав головы шейными платками, стали наполнять мешки желтым зернистым песком.

— Хороший песок, — проговорил Артамон. Почему он так сказал, всем было понятно — перед боем песком посыпали палубу, потому что в бою палуба становится скользкой от крови. Да еще от воды, которой заливали трескущие брандсугели* и гасили пожары.

— А знаешь, Захарыч, — вдруг подал голос Анисим Арехов. Марсовый матрос присел на мешок с песком, и, глядя на старого канонира своими на редкость голубыми глазами, заговорил с нескрываемым волнением. — Я вот все думал над твоими словами. И так решил — война, конечно, грех тяжкий. Только ежели на улице кричит человек: «Убивают, спасите!», честнее будет схватить кол да броситься на подмогу, чем ста-

* Брандсугель — зажигательный снаряд.

веньки поплотнее закрыть. То-то вот и оно, Захарыч!

— Ишь, какой башковитый, — добродушно посмеиваясь, проговорил дядя Артамон, и, покраснев от натуги, забросил тяжелый мешок на спину.

ФРЕГАТ „РАФАИЛ“

Теперь турецкие корабли рыскали вдоль черных отвесных скал Анатолии, неслись, словно стая гончих псов, учуявших зверя.

Сухими, как пустыня, глазами капудан-паша обзиревал горизонт. «Горизонт чист!» — выкрикивал дальнотзорный наблюдатель на марсе. «Горизонт чист!» — вторил ему другой голос, с салинга.

Шесть линейных кораблей и пять корветов, два фрегата и столько же бригав, выстроившись в три колонны, пенили зеленую морскую воду. По ночам вода светилась, и голубые искорки разлетались от килей во все стороны, сворачивались в тугие струи за кормой, но не было капудан-паше дела до этого прекрасного зрелища. Только чернотный бриг стоял у него перед глазами, скуластый бриг с фигурой греческого бога на форштевне, виновник страшного позора. Не мог забыть верховный адмирал Порты, как в гневе откинул султан Махмуд подзорную трубу и тотчас покинул «Селимие».

В тот апрельский день перед офицерами и матросами поклялся капудан-паша, что напротив султанского дворца поставит он заарканенные русские крейсера. Вот почему хищно змеился в поднебесье его зеленый вымпел, вот почему все дальше в море уходила турецкая эскадра...

От фельдмаршала Паскевича вице-адмиралу Грейгу было уведомление о необходимости пресечь подвоз морем провианта и военных запасов для армий Гаки-паши и сераскира Эрзерума.

Пятого мая для патрульного плавания между Синопом, Трапезонтом и Батумом ушли бригантина «Елизавета», бриг «Пегас», шлюп «Диана» и шхуна «Гонец». Девятого мая Грейг решил усилить отряд еще фрегатом «Рафаил». Десятого мая в четыре часа пятнадцать минут пополудни «Рафаил» снялся с якоря.

К ночи ветер усилился. Гребни волн украсились белыми барашками, и легкий фрегат полетел со скоростью шестнадцать узлов.

«Рафаил» спускался к югу. К Пендераклии. Так вел свое судно бывший капитан «Меркурия» Стройников, хотя мог вести иначе — прямо на Синоп. Но было желание уже по пути поохотиться на транспортные суда неприятеля, был попутный ветер, полный запас пороха и снарядов, и была уверенность, что турецкий флот как всегда отстает в Босфоре.

Ночь прошла спокойно. Днем «Рафаил» был уже в сорока милях от Пендераклии. Ветер все крепчал. Покрытое валами потемневшее море было пустынным и грозным.

К полуночи ветер неожиданно спал. Над морем за клубился туман, и «Рафаил» то шел, утопая в тумане, то вырывался на чистую воду и тогда

над головой мигали звезды. К рассвету туман сгустился.

Утром около девяти часов с салинга слышался встревоженный голос матроса:

— В шести милях на ветре вижу флот неприятеля!

Капитан второго ранга Стройников, который в это время находился на верхней палубе, недоверчиво поднял голову.

— На салинге, эй!.. — крикнул он сердито. — Протри глаза!

— Шесть линейных кораблей, два фрегата... пять корветов и... два брига... Это уже точно, ваше высочордие, — снова донеслось с салинга.

Туман пока мешал разглядеть турецкую эскадру. Надеюсь, что и турки не видят «Рафаила», Стройников приказал уходить в море.

Турки повторили маневр. Они шли следом, на ходу меняя свой строй, и, когда туман рассеялся, Стройников увидел за кормой «Рафаила» огромную подкову, стороны которой удлинялись, охватывая его фрегат одновременно с двух сторон.

В два часа пополудни подкова сомкнулась. И тогда турецкие корабли под однообразный бой барабанов стали сжимать кольцо. Побледнев, капитан «Рафаила» взирал, как приближается, красно-белая стена турецких кораблей, вырваться за которую уже не было возможности.

Внезапно барабаны смолкли, и в тишине, которая вдруг наступила, кто-то прокричал на чистом русском языке:

— Эй, сдавайся! Убирай паруса!

Корабль, откуда раздался этот крик, огромный 110-пушечный корабль, над которым развевался флаг капудан-паши, был уже совсем рядом. И черные глазницы его страшных орудийных стволов, в упор глядящие на «Рафаила», и эти слова, насмешливо произнесенные на чистом русском языке, лишили Стройникова воли. Ничего более не видя, кроме черных пустых глазниц, потая и задыхаясь, он хрипло выдавил: «Спустить флаг», и отвернулся, чтобы не видеть, как поползет вниз пересеченное двумя голубыми лентами белое полотнище. Где-то на самом донышке его сознания еще билась в конвульсиях фраза из устава Петра: «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флага», но мутная и горячая волна страха затопила и эту слабую лампадку совести.

Это случилось двенадцатого мая около четырех часов пополудни.

СНОВА К БОСФОРУ

Двенадцатого мая около четырех часов пополудни фрегат «Штандарт» и два брига — «Орфей» и «Меркурий» — снялись с якорей, чтобы вновь идти на разведку к Босфору. Они медленно шли вдоль бухты, скользили по тихой воде. Между берегом и застывшими на якорях кораблями сновали шлюпки. Над черными крышами струились сизые дымки. День выдался жарким, и смуглые полуголые мальчишки, оглашая гавань своими звонкими криками, с невысокого камня прыгали в воду.

Удалившись от берега миль на пять, корабли, первыми из которых шел 44-пушечный «Штандарт», затем «Орфей» и уж затем «Меркурий», повернули на юг. Дул слабый зюйд-зюйд-вест. Поставив все паруса и даже лиселя, корабли делали не более пяти миль в час. При такой погоде переход к Босфору обещал быть долгим.

Ни двенадцатого, ни тринадцатого мая ничего не произошло. Наступила ночь четырнадцатого. Луна, повиснув над морем, серебрила воду, и впередсмотрящий матрос Анисим Арехов без особого труда с марсовой площадки различал оба корабля, бесшумно плывущие в ночи.

Прислонившись спиной к мачте, Анисим вспоминал свою родную деревню Кудеверь, затерявшуюся в псковских лесах, где он не был уже более десяти лет. «А хорошо наверное там сейчас, — размечтался Анисим. — Березы-вяселки распустились, елочки молодыми побегами украсились, трава на лугах пошла в рост, птицы щебечут... Эх, нет на земле места лучше, чем родина», — подумал матрос и, разминая занывшую шею, повертел головой.

Уже рассветало. Звезды закатились нивесть куда и поблек Млечный путь. На востоке обозначилась светло-розовая полоска, которая с каждой минутой ширилась и наливалась светом. Ветер заметно скис, но все же дул ровно, и корабли шли ходко. Какое-то неотчетливое пятно на горизонте встревожило Анисима. «Может, облака? — подумал он, — аль полоска тумана?.. Или вода бликует?» Он закрыл глаза, давая им отдохнуть, потом открыл и напряг зрение. И в этот краткий миг он отчетливо разглядел парусные корабли.

— Вижу эскадру! — крикнул Анисим, указывая на нее рукой.

Новосильский раздвинул подзорную трубу и вперил ее в горизонт. Так и есть — с зюйд-зюйд-оста прямо на них шла турецкая эскадра.

— Ерофеев! — окликнул вахтенного матроса Новосильский. — Ударь три раза в рынду!

Удары медного колокола догнали впереди идущие корабли, и через минуту оттуда уже отвечали, что тоже заметили неприятеля. И почти тотчас Федя Спиридонов, которого Селиверст Дмитриев учил умению определять местоположение корабля по звездам, рядом с Новосильским увидел Казарского. Приняв из рук вахтенного офицера трубу, капитан направил ее в сторону турецкой эскадры. Федино сердце замерло, и он почувствовал, что ему не хватает воздуха. Уже второй раз при столкновении с неприятелем он ощущал это мерзкое чувство страха. Он сглотнул слюну и опустил секстан, чтобы никто не заметил, как у него дрожит рука.

— Похоже, что на этот раз капудан-паша решился вывести весь свой флот, — тихо проговорил Казарский. — Ну что ж... Начнем игру...

ИГРА

Они играли. Летели навстречу грозному флоту. Ибо увидеть неприятеля на горизонте и повернуть восвояси — невелика заслуга. А вот подойти к неприятелю вплотную — так, чтобы сосчитать чи-

сло пушек на каждом корабле, чтобы своей дерзостью раззадорить адмирала, заставить его броситься в погоню и повести его, забывшего осторожность, на долгожданное свидание с Грейгом — вот что обязан был сделать каждый капитан крейсерского отряда. И под всеми парусами вел навстречу турецкой эскадре свой маленький отряд капитан «Штандарта» Сахновский.

Да, это, несомненно, была рискованная игра, но командир сизопольского отряда Иван Семенович Скаловский верил в своих капитанов, и вера эта была не напрасной: на виду всего неприятельского флота они выказывали ту редкую отвагу, которой не могли не восхититься даже враги. Уже можно было различить каждый из четырнадцати краснобортных кораблей, а «Штандарт» все еще не менял курса...

Стоя на мостике, капудан-паша то прикладывал к глазу подзорную трубу, то опускал ее, и тогда все видели, что адмирал улыбается. Он улыбался. Он не верил своим глазам — русские сами шли к нему в руки. Мог ли он мечтать о такой удаче? Плененный фрегат, команда которого была заперта в трюмах «Селимие» и «Реалбея», был на пути к столице. Завтра утром, когда султан подойдет к окну, чтобы полюбоваться голубой гладью Босфора, его взор упадет на незнакомый красивый фрегат с черными бортами, на мачте которого будет трепыхать флаг с полумесяцем. Уже завтра рядом с первым станет новый трофей — тот самый бриг с изображением греческого бога на форштевне, с которого начался позор капудан-паши. Желанный бриг, пленением которого он вернет себе честь.

Да, он знал, что бриг с изображением Меркурия к полудню, когда сникнет ветер, неминуемо потеряет свою скорость. «Меркурий» и сейчас уже отставал от своих товарищей, грузно оседая на легкой волне, он был создан для боя, этот бриг, но уж никак не для гонок.

Скованных цепью русских моряков проведут по улицам Стамбула. Пусть правоверные наслаждаются зрелищем поверженного врага! И пусть сам владыка удостоверится, кто является лучшим моряком Порты!

«Меркурий» отставал. Уже не меньше трех миль отделяло его от кормы «Орфея», и Казарский понял, что дальше сближаться с неприятелем опасно. Приказав лечь в дрейф, он продолжал следить за умелыми действиями своих товарищей. «Пора бы уж им повернуть», подумал он, и почти тотчас фрегат и бриг одновременно сделали поворот. На мачте «Штандарта» взлетел сигнал «Идти в Сизополь», «Орфей» же стал приближаться к «Меркурию», и вскоре уже шел борт к борту.

— Тебе лечь таким курсом, каким судно лучше ходит, — крикнул капитан «Орфея» Колтовский, и, замерев на миг, «Орфей» прошел за кормой «Меркурия».

Было девять часов утра...

Окончание следует.

**К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
УЧРЕЖДЕНИЯ
ОРДЕНА ЛЕНИНА**

ВЫСШАЯ НАГРАДА РОДИНЫ

Шел 1930 год, второй год первой пятилетки. Советские люди строили социализм. Они отлично трудились, досрочно выполняли планы. Это было время новых героев, новых дел, новыхстроек и побед. Для награждения этих героев в канун 60-летия со дня рождения В. И. Ленина, 6 апреля 1930 года, Президиум ЦИК СССР учредил высшую награду первого в мире социалистического государства — орден ЛЕНИНА.

В статуте ордена указывалось, что им награждаются за особые заслуги в социалистическом строительстве, за выдающееся проведение специальных, особой государственной важности заданий в области промышленности, обороны страны, науки, сельского хозяйства...

Теперь каждому хорошо знаком этот орден на алой муаровой ленте, с дорогим изображением Ильича и пятью буквами «ЛЕНИН».

Первыми трудящимися, награжденными орденом Ленина, были лучшие работники сельского хозяйства системы «Зернотреста», строители Сталинградского тракторного завода, 89 ударников нефтяной промышленности и в их числе Сергей Миронович Киров. Многие ударники первой и второй пятилеток стали кавалерами высшей награды: забойщики Алексей Стаханов и Никита Изотов, ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы, машинист Петр Кривонос, колхозница Мария Демченко...

Орден Ленина вручается коллективам учреждений и предприятий, организациям, научным и учебным заведениям, областям и городам... Его можно увидеть на знаменах Ленинского

ЦЕННЫЙ ЭКСПОНАТ

В. ГРУСЛАНОВ

В Ленинграде, на берегу величавой Невы, по левую руку от Кировского моста, если идти от Марсова поля к Неве, стоит красивый дворец из серо-голубого мрамора. Он так и называется — Мраморный дворец.

Когда в 1936 году решили в Ленинграде открыть музей, посвященный Владимиру Ильичу Ленину, лучшее здание для музея найти было трудно — Мраморный дворец и просторен и великолепен. Так было положено основание Ленинградскому филиалу музея В. И. Ленина.

Сразу же работники музея принялись отыскивать и собирать всевозможные документы и предметы, относящиеся к жизни и деятельности Владимира Ильича. Помогали им в этом тысячи людей.

В те годы я работал в музее сотрудником. Однажды мне поручили найти тех, кто тру-

дился над созданием ордена Ленина.

Просматривая архивные документы, я увидел, что к доработке проекта ордена Монетный двор пригласил известного скульптора Игоря Всеволодовича Крестовского. Крестовский свой проект представил в 1934 году. По нему-то и был утвержден в июне 1936 года знак ордена Ленина. Изготавлился орден Ленина из золота и платины. Каждый орден имел очередной номер и укреплялся на винте. Все это я узнал. Но когда я пошел в Монетный двор, чтобы найти восковую модель и попросить передать ее в наш музей, обнаружилось, что этой первой модели нет. Те люди, с которыми я говорил в Монетном дворе, удивились не меньше моего.

«Сам Крестовский жив, — сказали мне. — Попробуйте

что-нибудь узнать у него... А мы тоже будем искать... Непонятный случай. У нас двести лет никогда и ничего не исчезало...»

Так я познакомился с Игорем Всеволодовичем. Это был прекрасный скульптор и обаятельный человек. Рассказывал он мне о своей работе над проектом много, показывал многочисленные фотографии, которые использовал в работе, и даже фотографию, сделанную с самой модели. Но вот поведать о дальнейшей судьбе восковой модели он ничего не мог.

Посочувствовали мне в музее и сказали: «Да, это был бы ценный экспонат...»

Я решил найти модель во что бы то ни стало. Снова и снова ходил на Монетный двор. Просмотрев в архиве все, что могло пролить свет на исчезновение модели, я решил идти дру-

комсомола, Первого подшипникового завода Москвы, ленинградского объединения «Кировский завод»... Орден Ленина № 1 был вручен 23 мая 1930 года газете «Комсомольская правда».

Орден Ленина вручается при присвоении званий Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Он на знаменах городов-героев. Москва и Ленинград дважды удостоены высокой награды. Орденом Ленина награждены тысячи героев войны и труда, знатные люди страны. Среди них рабочие, колхозники и ученые, деятели культуры, писатели и художники, летчики-космонавты.

Всем памятен день 19 декабря 1976 года, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал:

«...принимая сегодня награду — орден Ленина и Золотую Звезду Героя, — я всей душой сознаю, что она принадлежит партии, так же как ей принадлежат все мои силы, вся моя жизнь.

...На ордене, который мне только что вручен вместе с Золотой Звездой Героя, — образ Ленина, самого великого из людей нашей эпохи и самого дорогого для всех нас, для трудящихся всего мира.

...Действительно, прекрасно сказал поэт: «Ленин и теперь живет всех живых».

Ордену Ленина — пятьдесят лет. И когда ты встретишь человека, удостоенного высшей награды Родины, знай, что он служит примером своему народу, он живет и работает как завещал великий Ленин!

Ю. СТУДЕНЦОВ

гим путем: начал разыскивать старых рабочих — граверов, чеканщиков, медальеров.

Представьте мою радость, когда один из них припомнил: в 1935 году модель — это совершенно точно — возили в Москву, чтобы показать членам правительства. Возил же его в Москву не кто иной, как сам главный медальер Монетного Двора академик Васютинский.

— Он жив? — спросил я.

— К сожалению, нет... Но есть адрес его вдовы.

Дальнейшие поиски привели на квартиру А. Ф. Васютинского. Его вдова, Елена Фердинандовна, внимательно выслушала меня, пригласила в мастерскую покойного супруга и, усевшись в кресло возле его рабочего стола, начала педантично просматривать все ящики. Среди множества замечательных работ, созданных за долгую жизнь талантливым медальером, ни одной модели или гальванопроекта ордена Ленина мы не обнаружили. Исследовали содержимое шкафчика, где хранился граверный

инструмент, но и там ничего не нашли. Остались ящики письменного стола, где Антон Федорович хранил только свои законченные работы. Решили осмотреть и их. Перебрали большое количество моделей, форм, выполненных в воске, гипсе, меди, — нет, не то. Я ушел расстроенный. «Все, больше искать нигде...»

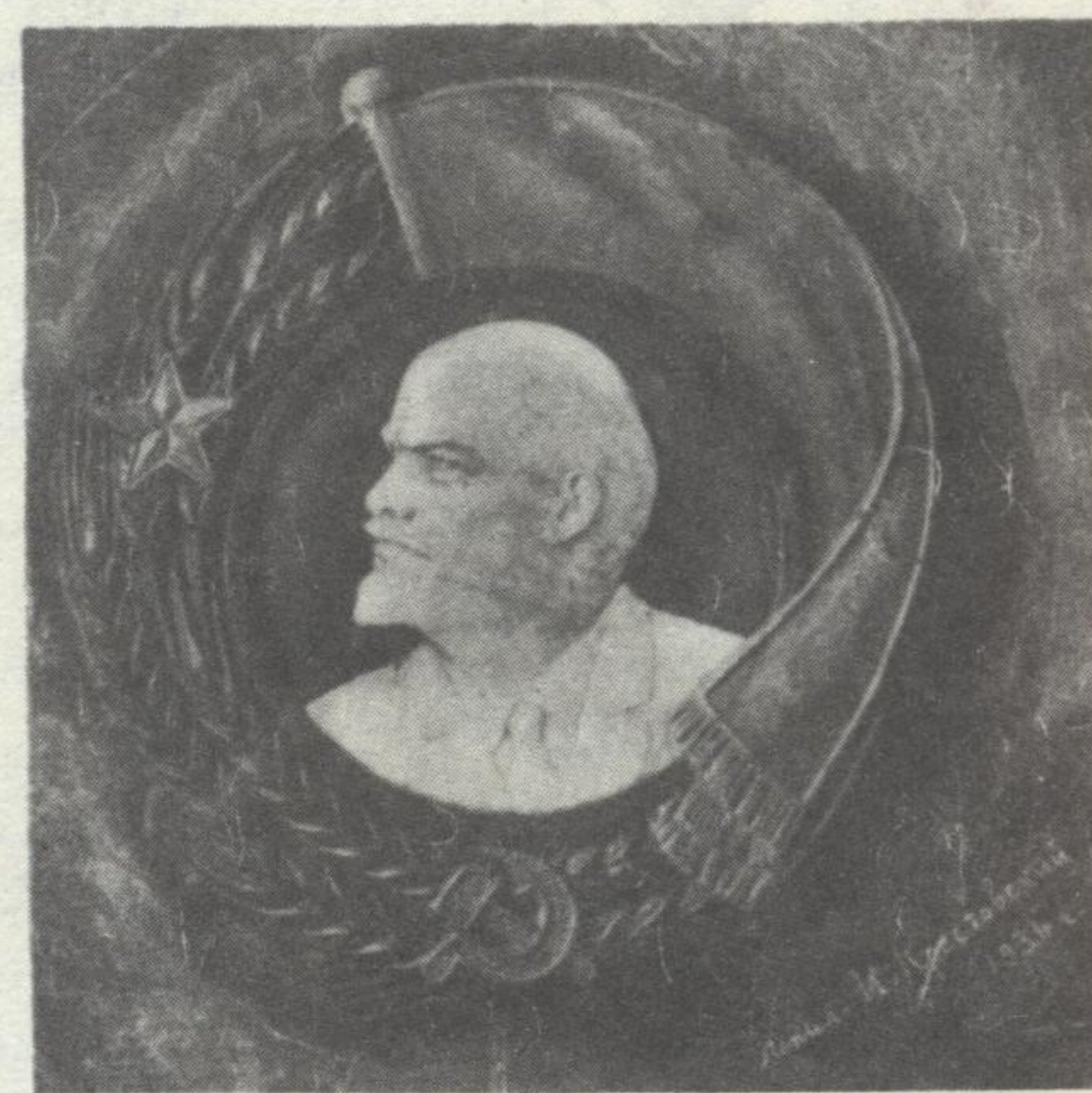
И вдруг на следующий день Елена Фердинандовна звонит и просит немедленно приехать. Не прошло и получаса, как я уже был у двери ее квартиры. Елена Фердинандовна встретила меня сияющая: «Вот, посмотрите, какая чудесная работа Антона Федоровича!» Но это ведь совсем не то, что я ищу!

Открыл ящик, взял в руки грифельную доску — на ней вылепленный из цветных восков орден Ленина... В правом уголке выцарапана резцом надпись: «Лепил И. Крестовский, 1934 г.»... Найдена! Модель ордена найдена!

Елена Фердинандовна не заметила подписи настоящего автора... Видимо, возвра-

тившись из поездки в Москву с последним проектом работы И. В. Крестовского, академик оставил его в своей мастерской. Возможно, для того, чтобы изготовить гипсовую отливку, но вскоре заболел и умер.

В экспозиции нашего музея — медали, нагрудные знаки, посвященные великому вождю, и проекты ордена Ленина. И среди них на черной

грифельной доске — модель из цветных восков. Хранится она в музее и по сей день.

НА ЦЕЛИННОЙ ЗЕМЛЕ

Наша колонна, состоящая из двух «Кировцев» и допотопного автобуса, тащится по степи уже часа четыре.

Автобус погружается в месиво по самую ось. А Талгат, водитель, и бровью не ведет. Он следит за тем, чтобы машина не выползала из траншей, взрытых колесами впереди идущего «Кировца», который тащит нас на буксире.

В автобусе полно пассажиров. Песни не утихают ни на минуту. На ухабах звякают лопаты, сваленные в проходе. Сегодня воскресенье, и девятиклассники из Старого Колутона едут на полевой стан, в бригаду Владимира Аврамовича Дитюка, знаменитого бригадира-первокурсника, Героя Социалистического Труда.

— Смотрите, Сережа трактор ведет! А Павел Иванович рядом с ним пассажиром едет! — восклицает кто-то громко.

Сережа Семибратов восседает за баранкой «Кировца», следующего за нами. Он предельно сосредоточен и чуть важничает. Мальчишки делают вид, что им все равно. Хмыкают. Эка невидаль: за баранкой разрешили посидеть. Скоро начнется весенняя страда — вот это настоящее дело! Не только Сережка будет крутить баранку. Все пойдут в бригады помощниками трактористов.

Переполезли через сопку, и дорога вдруг нырнула в ложбину, до краев наполненную талой водой. И наш буксировщик застрял. Шофер открыл дверцу — вода хлынула внутрь, прокатилась по линолеуму, омыла сапоги и ло-

паты, схлынула. Девчонки завизжали. А мальчишки только ухмыляются.

Владимир Аврамович Дитюк через открытую дверь автобуса совещается с трактористом Епифанцевым. Затем перебирается на «Кировец», легко и ловко, хотя вес у бригадира внушительный.

Трактор переезжает стремнину, буксируя за собой и нас.

...Мы с Дитюком сидим на краю сухой, хорошо прикатанной колесами и гусеницами тракторов полянке. Полянка — крошечный островок среди рыхлых снегов и моря распутицы. На этом «островке» зимой бульдозером убрали снег. И на полянке теперь сухо. Даже травка проросла. Есть где ремонтом заняться.

Бригада Дитюка и занимается ремонтом. Анатолий Чернов рихтует кувалдой погнувшиеся части семяпровода, заваривает автогеном трещины. Помогают ему Семибратов и два его товарища. Остальные ребята очищают от снега сеялки.

Дитюк ходит вокруг трактора, присматривается, с какой стороны к нему подступиться.

— Весна в этом году подкузьмила, — говорит бригадир. — Конец марта, а видите, что творится. На тракторах и без агрегатов на стан не доберешься. Поэтому сеялки и плоскорезы пока еще в Колутоне стоят. Эти не в счет, они прямо здесь зимовали...

Наблюдаю за бригадиром и гадаю: что раньше сломается — ключ или болт? Но Дитюк, видимо, знает свою силу и соразмеряет ее с

Рисунок В. Цикоты

КАК СЛАВНО!

В. ЛУНИН

Зеленые сны,
Весенние сны —
Зеленые мягкие
Иглы сосны,
Зеленые липкие
Листья берез
И шелест
Зеленых стрекоз.

Зеленые птицы,
Зеленый рассвет,
Зеленого мая
Зеленый букет,
Зеленый кузнечик,
Трава зелена...
Как славно,
Что это
Весна!

хрупкостью металла. На ключ он давит осторожно.

— Не думайте, что снег и распутица — самое трудное, — продолжает бригадир. — Года три назад весна выдалась засушливая. Всходы были в общем-то хорошими, но стебель хилым вышел. А под налив прошли отличные дожди. И все пропало: тяжелый колос стебель поломал. Зернышки высыпались на землю. Академик приезжал к нам. «Ничего не поделаешь, — сказал, — стихийное бедствие». А я не согласился с ним. Сказал, что и наша вина есть. Не надо было удобрение сыпать. Пусть бы злак немножечко поголодал. Колос не вышел бы крупным, но тогда бы мы хоть что-то взяли. А так — ничего. Но кто ж его знал, что так получится?.. Наш труд большого разума и понимания требует. Это я к чему веду? Мы, первоцелинники, учились на собственных ошибках. А вот они, — Владимир Аврамович кивнул в сторону работающих ребят, — пусть учатся на наших ошибках. Вот сегодня, скажем, разве мы бы не отремонтировали сеялки силами взрослых? Отремонтировали бы, конечно. И пахать весной нам без практикантов сподручнее.хлопот меньше. Но мы хотим, чтобы ребята поняли, что к чему, чтобы видели, на чем наш труд стоит. Я так считаю: учить пахать-сеять надо прямо со школьной скамьи. Тогда толк будет.

Дитюк закрепил, наконец, узел и посмотрел на солнце.

— Пора в обратный путь. На асфальт надо засветло добраться... Как у вас? — крикнул он ребятам.

— Кончаем! — донеслось от сеялок.

РУЧЕЕК

Геннадий ОСТРОВСКИЙ

Как в березовом бору
Ручеек прорыл нору!

И помчался по оврагу,
И сугробы закружил,
И горбатую корягу
На пути растормошил.

Зазвенел нагло морозу
Теплым солнышком в руке...
И озябшие березы
Умывались в ручейке.

РАССКАЗЫ МАШИНИСТА

В. ВИРОЛАЙНЕН

СОЛДАТ

Иногда мне кажется, что я прожил не одну, а несколько жизней. Но каждый раз, когда я начинаю обо всем вспоминать, я вижу одну и ту же картину...

Маленькая, с одним окном, конторка мастера в депо Финляндской железной дороги. Высокая, скрипучая дверь и мальчик, который стоит возле самой двери. «Я хочу работать», «Я обязательно должен работать», — говорит он и с надеждой смотрит на мастера. А тот молчит, думает или делает вид, что думает, и не торопится с ответом.

Наконец он слышит: «Хорошо. Будешь работать на ручной шлифовке. Считай, что тебе повезло».

Мальчик не знал, что шлифовка — одна из самых тяжелых работ в депо, но глаза его вспыхнули от радости.

Мастер не спросил у мальчика, сколько ему лет. Но я-то помню, что мне было только четырнадцать и было это в 1916 году.

Так началась моя трудовая биография. Работать пришлось наравне со взрослыми, по десять часов в сутки. И домой приходил, шатаюсь от усталости. «Ничего, — думал я поначалу, — это с непривычки. Зато получаю деньги. И маме теперь будет легче». Но дело было не в привычке, а в нечеловеческих условиях труда, когда даже взрослые рабочие падали в депо без сознания. И все громче раздавались вокруг голоса о несправедливости царских порядков.

Первыми на борьбу с самодержавием в феврале семнадцатого года поднялись питер-

ские работницы, требуя хлеба для своих детей. В те дни в городе забастовали многие заводы и фабрики. На улицах раздавались выстрелы — это городовые и жандармы пытались устроить народ. Но на сторону народа стали переходить полки Петроградского гарнизона. Я был свидетелем стычки солдат Волынского полка с конными городовыми. Солдаты шли к нам, на Выборгскую, а городовые преградили им путь. Колонна остановилась. Но тут полковой оркестр грянул «Марсельезу», и волынцы смело двинулись вперед. На Выборгской к ним присоединились сотни рабочих, в том числе и наши деповцы. Все вместе направились к тюрьме, освобождать заключенных. Затем захватили арсенал. Начали раздавать оружие.

Я тоже получил винтовку. Закинул ее за плечо и целый день гордо ходил по городу. Вечером спохватился: «А зачем мне винтовка? Стрелять не умею. Домой нести нельзя — мама расплачется. Бросить? Жалко, совсем новенькая. Лучше кому-нибудь отдам...». Начал присматриваться к прохожим. И вижу: идет солдат — лицо доброе, приветливое, и главное — нет у солдата винтовки.

Спрашиваю: «Вы, товарищ, за кого: за царя или за революцию?» Остановился солдат, глянул внимательно и отвечает: «Я, хлопец, за Ленина! Знаешь, кто такой Ленин? А трехлинейки нет потому, что я из госпиталя». «Тогда, — говорю, — вот, держите».

Кто такой Ленин, я еще не знал. Просто мне солдат понравился.

Автора этих рассказов — Вольдемара Матвеевича Виролайнена хорошо знают пионеры многих ленинградских школ.

От простого рабочего депо и машиниста паровоза до высокой должности Председателя Совета Министров Карело-Финской ССР — таков жизненный путь Вольдемара Матвеевича.

В 1977 году в издательстве «Политическая литература» вышла книга его воспоминаний — «Зеленая улица».

«Рассказы машиниста» написаны специально для читателей «Костра».

ПРАЗДНИК НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

Нет, я не в обиде на свою юность. Честное слово, не в обиде. Да, было очень трудно. Но именно тогда вошли в мою жизнь Гуго Ялава, братья Рахья, Юхо Халме, Арвид Парикка и другие замечательные люди, которые помогли мне стать на ноги.

Память сохранила первый разговор с дядей Гуго — Гуго Эриковичем Ялавой, лучшим машинистом Финляндской дороги.

— Как здоровье мамы, Волле?

— Ничего, дядя Гуго, — отвечаю, а сам думаю: «Кто же ему сказал, что мама часто болеет?»

— А живется туговато?

— Ничего, — говорю и вижу по глазам, что и о смерти моего отца он тоже знает.

— Не горюй, Волле. Будет и на нашей улице праздник!

— Дядя Гуго, я работаю, маме помогаю.

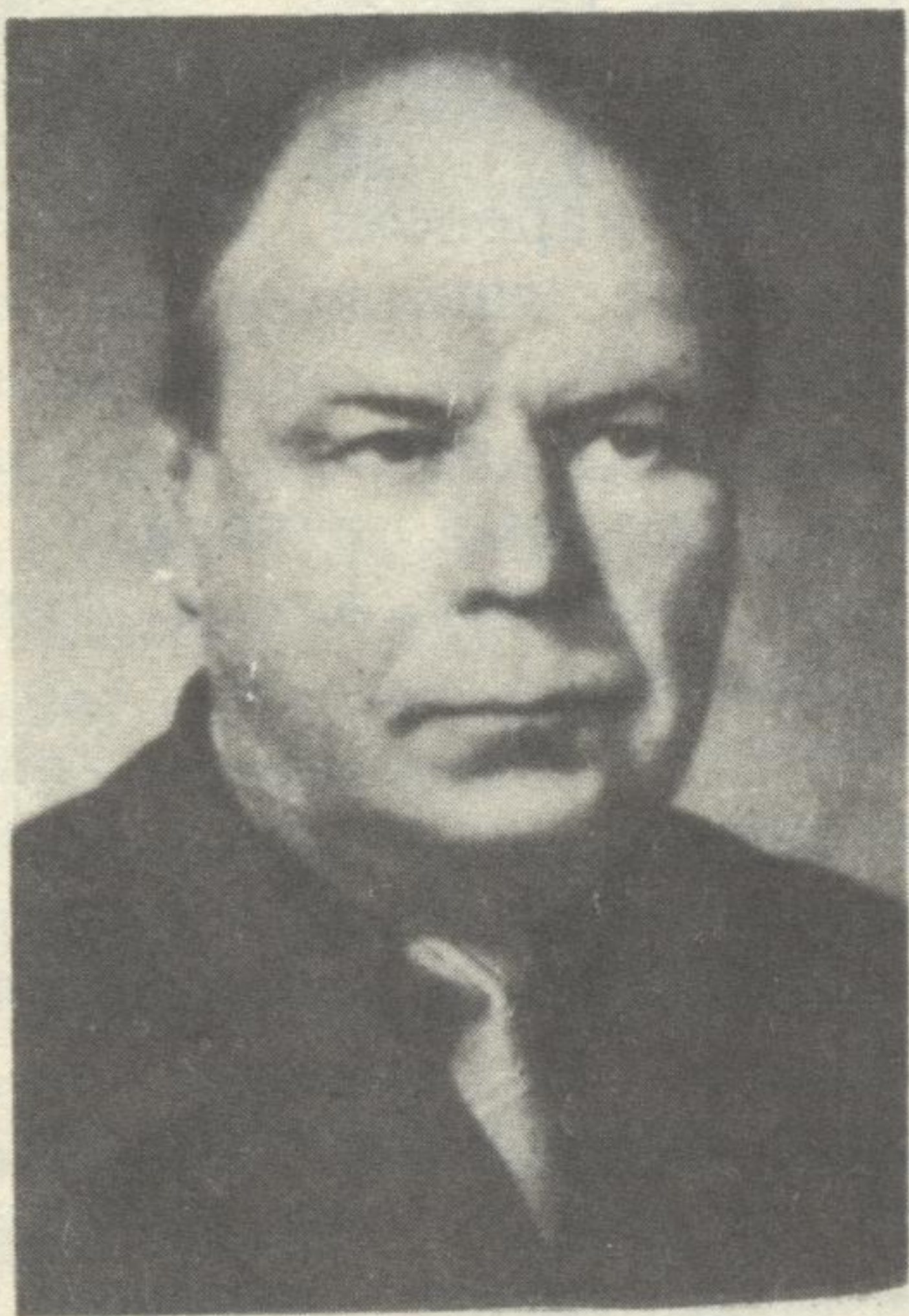
— Знаю, что не баклуши бьешь. И что на паровоз хочешь, тоже знаю.

Я удивился: «Откуда он знает, что я хочу стать машинистом? Ведь я никому не рассказывал о своей мечте. Неужели, он видит меня насквозь?»

А Гуго Ялава, о котором многие в депо говорили, что из него двух слов не вытянешь, продолжал разговор:

— Значит так. Буду тебя учить на машиниста. Мой паровоз знаешь — номер 293. И заруби себе на носу: любое дело лучше начинать не завтра и не послезавтра, а сегодня...

Надо ли говорить, как я был

благодарен Гуго Эриковичу, моему первому учителю и наставнику! За первые уроки на паровозе и за поездки, в которые он меня брал. И как он был прав, когда утверждал, что настанет и на нашей улице праздник!

Первые апрельские дни совпали с пасхой. Но в нашей мастерской 3 апреля был обычный рабочий день. И вдруг — новость: в Петроград возвращается Владимир Ильич Ленин. Ленин! Это имя я слышал уже не раз и мне очень хотелось посмотреть на Ленина.

Площадь у Финляндского вокзала... В тот год она была совсем другая, и можно ли ее сравнить с нынешней? Рядом с вокзалом стояли двухэтажные деревянные дома, в одном из которых я жил, молочная лавка, больница и особняк какого-то купца. А дальше, примерно на том месте, где сейчас высятся памятник Владимиру Ильичу, был небольшой канал. И на этом канале — он соединялся с Невой — стояла железнодорожная водокачка.

Вечером на привокзальную площадь стал собираться народ. Он шел со всех концов города, и скоро к самому вокзалу было уже не подобраться. Но я-то знал: возле багажной кладовой есть лазейка на перрон. Много раз она меня выручала, когда я играл с мальчишками в казаки-разбойники. Выручила и на этот раз.

На перроне я присоединился к группе людей, которые встречали Ленина. Подошел поезд.

Я ожидал, что из вагона выйдет человек богатырского роста и сразу начнет командовать. А к нам вышел человек среднего роста, в поношенном демисезонном пальто, и скромно, даже как-то застенчиво поздоровался с встречающими.

Потом во главе с Лениным все направились в здание вокзала. Мне туда прошмыгнуть не удалось. Увидели матросы: «Ты куда, малец?»

Но вот Владимир Ильич появился на площади. И площадь — тысячи рабочих, солдат и матросов — единым дыханием выдохнула: «Ленин!» И на всю жизнь остались в моем сердце громовые раскаты «Ура!», летящие над головами знамена, человек, стоящий на броневике, и счастливые лица людей, готовых идти на подвиг за этим человеком.

Ленин начал говорить. Но я стоял далеко и многих слов не слышал. И только последние ленинские слова, которые он не сказал, а крикнул, стремительно вскинув руку, я хорошо услышал и запомнил: «Да здравствует социалистическая революция!»

И опять загремело «Ура!» Все, как один, что-то кричали, хлопали в ладоши. И тут я увидел нашего Юхо Халме. Из всех сил протискиваюсь к нему, спрашиваю:

— Дядя Юхо, но в феврале уже была революция?

— Нет, то был обман, — ответил старый рабочий. — Теперь будет настоящая...

САМЫЙ МОЛОДОЙ МАШИНИСТ РЕСПУБЛИКИ

После победы Октября Гуго Эриковича Ялаву перевели из депо на партийную работу. И в моей жизни тоже произошли перемены — разрешили сдавать экзамены на звание машиниста. Устройство паровоза и правила езды я к тому времени знал хорошо. И беспокоился о другом: экзаменаторам явно не нравилось, что я — несовершеннолетний. И тут, как гово-

рится, никто мне не мог помочь. Но когда во время последнего экзамена мне удалось быстро и точно поставить паровоз на поворотный круг, строгие экзаменаторы стали меня поздравлять. Невольно подумалось: «Нашли чему удивляться! Дядя Гуго учил меня и не таким вещам».

Так я стал машинистом. «Самым молодым машинистом республики», — как сказал новый начальник депо Арвид Парикка.

Помню одну из самых первых поездок. Мы везли сибирский хлеб для рабочих Петрограда. И было это за Уралом. Глянул в окошко, а по степи скачет кулацкая банда. И в этот момент — надо же такому случиться — авария: в топке перегорели дымогарные трубки. Паровоз остановился, а бандиты уже рядом. Окружают эшелон, радуются: «Теперь не уйдете!». Бойцы охраны готовились к неравному бою. Комиссар продотряда под пулями бежит к паровозу: «Браточек, сделай что-нибудь!» Пеленаю себя мокрыми тряпками и лезу в раскаленную топку. В голове одна мысль: «Если не задохнусь, трубки я исправлю. Только бы не задохнуться...» Исправил, выбрался наружу. А руки уже не руки — сплошные ожоги. Спрашиваю себя: «Что делать?» И сам себе отвечаю: «Как — что? Ехать...» Дальше ехали без приключений.

В марте 1920 года работники нашего депо решили «вдуть жизнь» в мертвые паровозы. Да, именно так тогда говорили — «вдуть жизнь». И, по моему, точнее не скажешь. А «мертвых» паровозов, то есть старых или попавших в аварию, было тогда у нас много.

И встал вопрос: какой из них выбрать для почина? Я, не задумываясь, предложил: «Начнем с 293-го!» Ведь это был паровоз Гуго Эриковича. Паровоз, на котором я у него учился. Других предложений не было, и со мной согласились.

И первые коммунистические субботники «вдули жизнь» в 293-й. Утром Первого мая он вновь приступил к работе. А я в тот день стал его машинистом.

К перрону Финляндского вокзала он подкатил, украшенный флагами и гирляндами хвои. И чтобы все видели, на тендере крупными буквами красовалась надпись: «Первомайский паровоз».

Но пришел день, и нам пришлось расстаться. По решению Советского правительства имущество и все паровозы Финляндской железной дороги были переданы Финляндии.

И никто не знал, какая у 293-го героическая биография! Что это не просто паровоз, а ленинский паровоз!

ИСТОРИЯ ЛЕНИНСКОГО ПАРОВОЗА

Сегодня эту историю знают миллионы советских людей. И не только взрослые, но и ребята, пионеры.

О том, как в августе 1917 года, скрываясь от ищеек Временного правительства, Владимир Ильич под видом кочегара выехал на этом паровозе в Финляндию.

И о том, как в октябре того же года, на этом же паровозе Ленин вернулся в Петроград, чтобы возглавить революцию.

Сегодня историки знают даже подробности этих поездок.

Мысль — переправить Ленина под видом кочегара — подал Эйно Рахья. Эйно Абрамович работал помощником машини-

ста, а летом 1917-го стал связным Владимира Ильича.

Перед тем, как взобраться на паровоз, Ленин отдал одному из своих сопровождающих тетрадь в синей обложке и попросил, если его, Ленина, арестуют, передать ее в Центральный Комитет партии. То была знаменитая ленинская тетрадь «Марксизм о государстве».

А тогда, повторяю, никто ни о чем не догадывался. Все известно было только одному человеку — Гуго Эриковичу Ялаве, который никому ничего не рассказывал. Почему не рассказывал Гуго? Я хорошо знал этого человека: мы дружили с ним более тридцати лет, до самой его смерти. Это был бесстрашный и находчивый, бесконечно преданный делу партии и удивительно скромный человек. Невысокого роста, с тронутыми сединами волосами, всегда подтянутый и очень часто с книжкой в руках, великий молчун и конспиратор. И главным для него было дело, а не слова.

Свои воспоминания — всего две странички — он написал в 1924 году, когда паровоз был уже в Финляндии.

Этот маленький рассказ я помню наизусть. Там есть такие строки: «Ильича нужно было довести до станции Териоки. На границе — в Белоострове — всегда проходила тщательная проверка документов всех едущих пассажиров. Проверить документы могли и у паровозной бригады.

Поезд стоял в Белоострове 20 минут. Здесь полагалось набирать воду. Колонка находилась в стороне. Прибыв на станцию, я заметил, что на платформе в этот раз сновало особенно много полицейских и юнкеров. Я быстро отцепил паровоз от состава, отъехал к колонке и простоял там с таким расчетом, чтобы подойти обратно к поезду к самому отправлению».

И далее:

«На станции Териоки, на пятидесятом километре от русской границы, Ленин сошел с поезда. Перед тем, как сойти, Ильич дружески пожал мне

руку. На платформе Ильич еще раз приветливо махнул рукой в сторону паровоза...»

Обратите внимание на последнюю фразу. Так написать мог только машинист, и только Ялава, который относился к своему паровозу, как к живому существу.

Известно, что в годы Советской власти машинист и «кочегар» паровоза № 293 встретились в Кремле и долго беседовали.

Но о чем они беседовали? В ответ на этот вопрос молчаливый Гуго только улыбался...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шли годы, десятилетия, но о судьбе ленинского паровоза я не забывал.

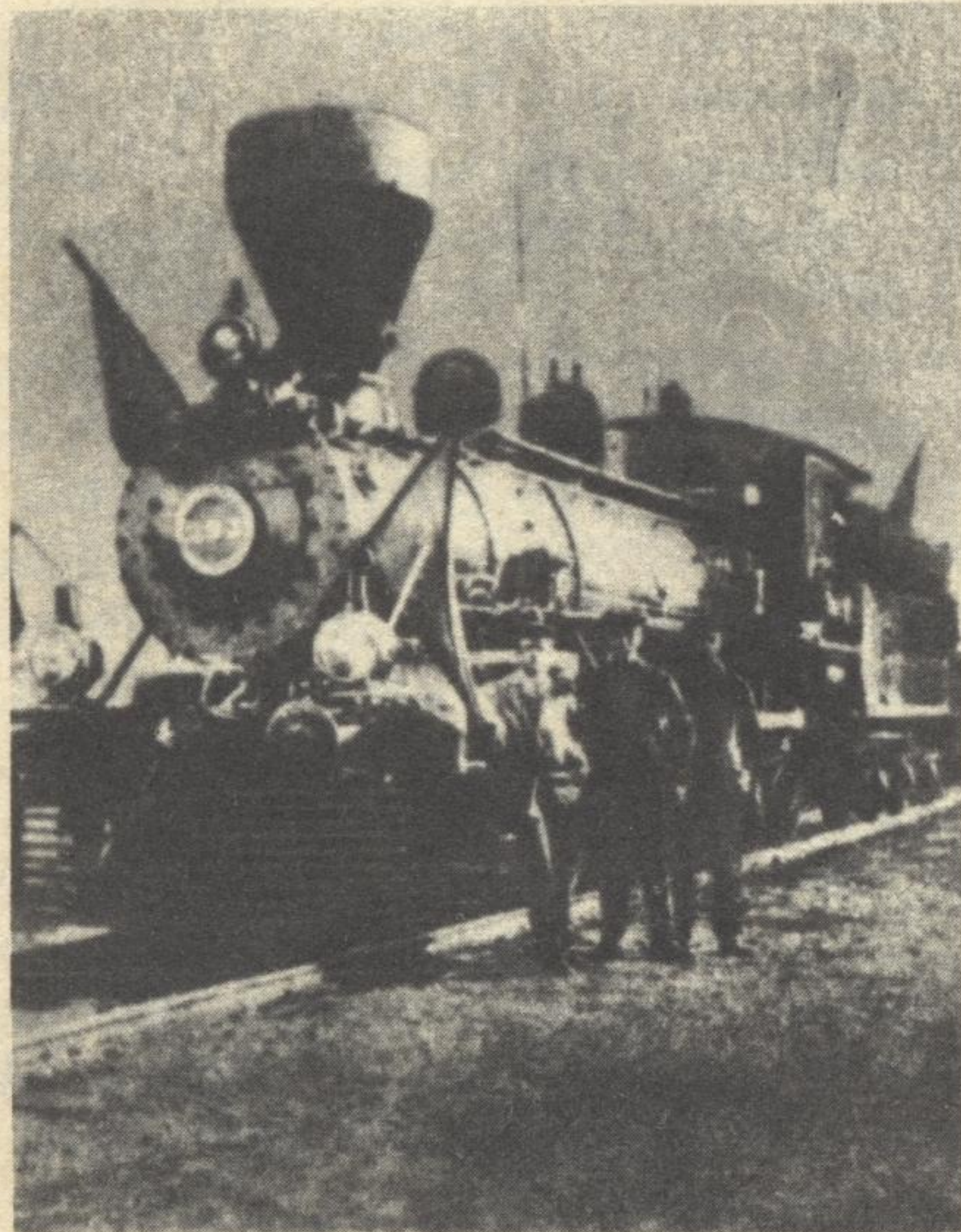
И вот однажды в составе делегации Верховного Совета СССР приехал в Финляндию. Выбрав свободную минуту, захожу в Управление государственных железных дорог Финляндии и прошу навести справку о паровозе № 293.

Спрашивают: «Почему интересуетесь именно этим паровозом?» Отвечаю: «Юношей работал на нем», и показываю фотографию.

Справку навели быстро: «Можете гордиться, господин Виролайнен. Ваш «старик» по-прежнему водит поезда».

Вернувшись из поездки, я о своем открытии сразу же написал письмо в Центральный Комитет партии. И вот наконец наступил этот радостный день, когда тысячи ленинградцев собрались на Финляндском вокзале, чтобы встретить ленинский паровоз. Встреча была незабываемой и торжественной. Мне сказали: «Вам надо обязательно выступить». Я вышел на трибуну, но от волнения долго не мог говорить.

Дорогие мои юные друзья! Когда вам посчастливится увидеть этот паровоз, подойдите к нему и молча постоите рядом. И вы услышите, как стучит ваше сердце, увидите те далекие и тревожные дни и почувствуете, как непросто говорить о Ленине и о революции, о том, что мы никогда, никогда не забудем.

ВСЕ - ДЕТАМ

4 февраля 1919 года Совет Народных Комиссаров принял отредактированный Лениным Декрет «Об учреждении Совета защиты детей».

«Принимая во внимание тяжелые условия жизни в стране и лежащую на революционной власти обязанность оберегать в опасное переходное время подрастающее поколение, Совет Народных Комиссаров настоящим декретом утверждает особый Совет защиты детей».

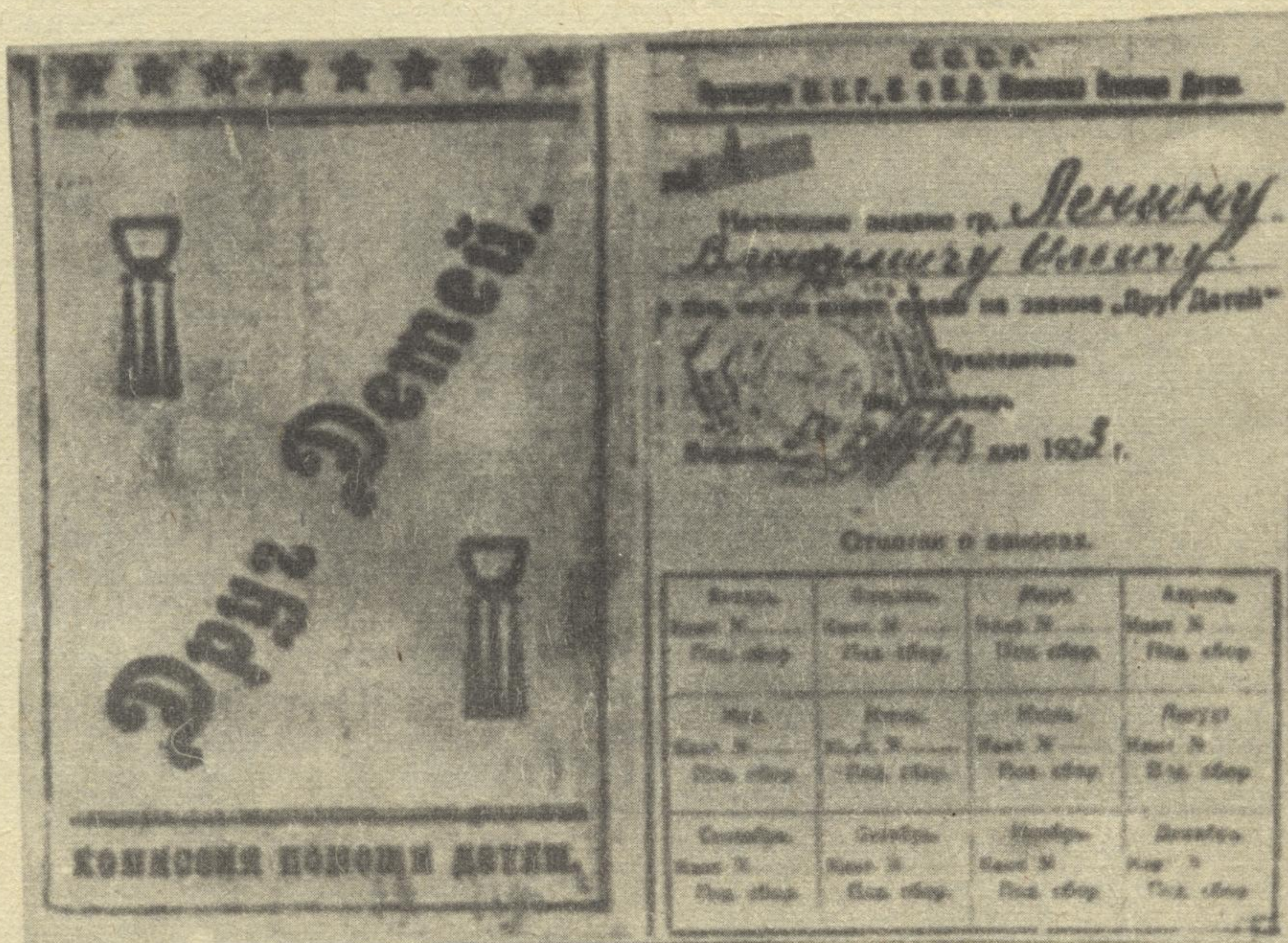
Спасение тысяч и тысяч детей взяла в свои руки ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом, которую возглавлял Феликс Эдмундович Дзержинский.

Но молодое Советское государство имело еще очень мало средств.

На помощь пришли рабочие. Они начали создавать комиссии по оказанию помощи детям. Эти комиссии и проводили денежные сборы.

Советские люди делились тем немногим, что у них было. И у сирот, беспризорников появлялись хлеб и молоко, пиджаки и ботинки. Вымытые, накормленные, чисто одетые, они брались за буквари. Из них выросли крепкие рабочие мастера, стойкие воины, большие ученые. А денежные сборы оставили о себе память — эти небольшие пожелтевшие марки, свидетельство заботы советского народа о детях.

Л. ПРИЦКЕР

Членский билет № 1
общества „Друг детей“
на имя В. И. Ленина

СЕРДЦЕМ И ИМЕНЕМ

ПОИСК ЮНКОРОВ И СЛЕДОПЫТОВ „КОСТРА“, ПОСВЯЩЕННЫЙ 110-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

22 апреля — самый необыкновенный день у нас в школе. Ведь здесь с 1879 по 1887 год учился Владимир Ильич Ленин. По традиции этот день начинается торжественной линейкой, а потом к нам приходят гости: ветераны партии и комсомола, шефы с завода «Контактор», и мы показываем им наш музей.

В музее собраны ценные экспонаты: материалы о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина и его родных, похвальные листы и книги из библиотеки бывшей Симбирской гимназии (так раньше называлась наша школа), физические приборы, которыми пользовался на уроках Володя Ульянов. Сейчас мы ведем поиск материалов об одноклассниках Владимира Ильича. Подбираем его любимые книги. А недавно начали розыски писем вождя к детям.

В актовом зале, где Володя Ульянов сдавал экзамен на аттестат зрелости, следопыты рапортуют о своих находках. А выпускники школы получают здесь «Памятный билет», в котором есть такие слова: «Всегда и всюду помни, что ты — воспитанник нашей школы,

где учился великий Ленин. Пусть слова Торжественного обещания будут девизом всей твоей жизни».

*Аня Пучкова,
председатель совета музея
школы № 1 имени В. И. Ленина,
г. Ульяновск*

Наша поисковая группа собирает любимые книги Володи Ульянова. Однажды решили отправиться в рейд на улицу Минаева, где стояли ветхие деревянные дома. Здесь, на чердаках и в чуланах, среди ненужного хлама могли затеряться и старые книги. Мы долго искали, и вдруг Алеша Сытин закричал: «Ребята! Посмотрите, что я нашел».

Это была книга Е. Н. Водозовой «Жизнь европейских народов». Мы знали, что такую же книгу получил в награду за «отличные успехи, прилежание и примерное поведение» воспитанник 4-го класса Владимир Ульянов, и очень обрадовались своей находке.

*Володя Марьев,
ученик 8-го класса*

В нашей школе есть класс-музей. Этот музей нам помог

организовать Михаил Федорович Кузнецов, воспоминания которого мы знаем почти наизусть. Представляете, он сидел с Володией Ульяновым за одной партой! В своих воспоминаниях Михаил Федорович рассказывает, как отлично учился юный Володя Ульянов. Он прекрасно знал древние языки. Свободно переводил с древнегреческого и латинского на русский. Поэтому учителя спрашивали его редко, когда уже никто не мог ответить на вопрос. Преподаватель латинского языка Федоровский при чтении Цицерона обычно говорил в конце урока: «Ульянов, переводите дальше по книге». Что он переведет, то и было домашним заданием всему классу.

*Федя Друк,
ученик 7-го класса*

Мы решили узнать, как проходили приемные испытания в первый класс Симбирской гимназии, и записали рассказ бывшего воспитанника гимназии Николая Николаевича Шипкова:

«Никогда не забуду диктант по русскому языку. Не помню

Ульяновск.
Школа № 1 имени В. И. Ленина

фамилии преподавателя, который вел диктант, но все обратили внимание, что он умыш-

ленно диктовал самым монотонным и невнятным голосом. Первая фраза была такова:

«Пчелка села на цветок». Но я и многие другие первое слово слышали ясно как «челка». Я так и написал, но до самого конца диктанта испытывал беспокойство: как же это так — «челка села на цветок»? Только под самый конец я догадался и исправил «челку» на «пчелку». Но настроение было испорчено неудачами некоторых сверстников. Я и сейчас помню печальные лица, слезы. Желających поступить в гимназию было много, а отбор — строгий».

Володя Ульянов приемные испытания сдал отлично, и 16 августа 1879 года он был принят в первый класс гимназии.

*Миша Ковалев,
ученик 8-го класса*

СЛОВО—ИСТОРИКУ

Вы знаете, мне почему-то кажется, что сегодня я должен говорить не как историк. Попробую разобраться в своих чувствах. Начну по порядку. Перед нами — сообщения следопытов школы № 1 города Ульяновска. Мне посчастливилось несколько раз быть в этой школе. И я не могу не вспомнить о том, с каким волнением входил в класс-музей, как стоял возле парты ученика 7-го класса Володи Ульянова.

Помню я и о встречах с самими следопытами. И поэтому знаю, что, рассказывая читателям «Костра» о своих следопытских находках, они скромно умалчивают о многом. Ведь они могли бы рассказать и о том, как собрали материал об учителях Володи Ульянова. Эта их работа отмечалась многими учеными-историками. И о Железной дивизии Гая, которая в 1918 году освободила Симбирск от белогвардейцев. И об истории первых пионерских отрядов

Ульяновска, один из которых был организован в их родной школе.

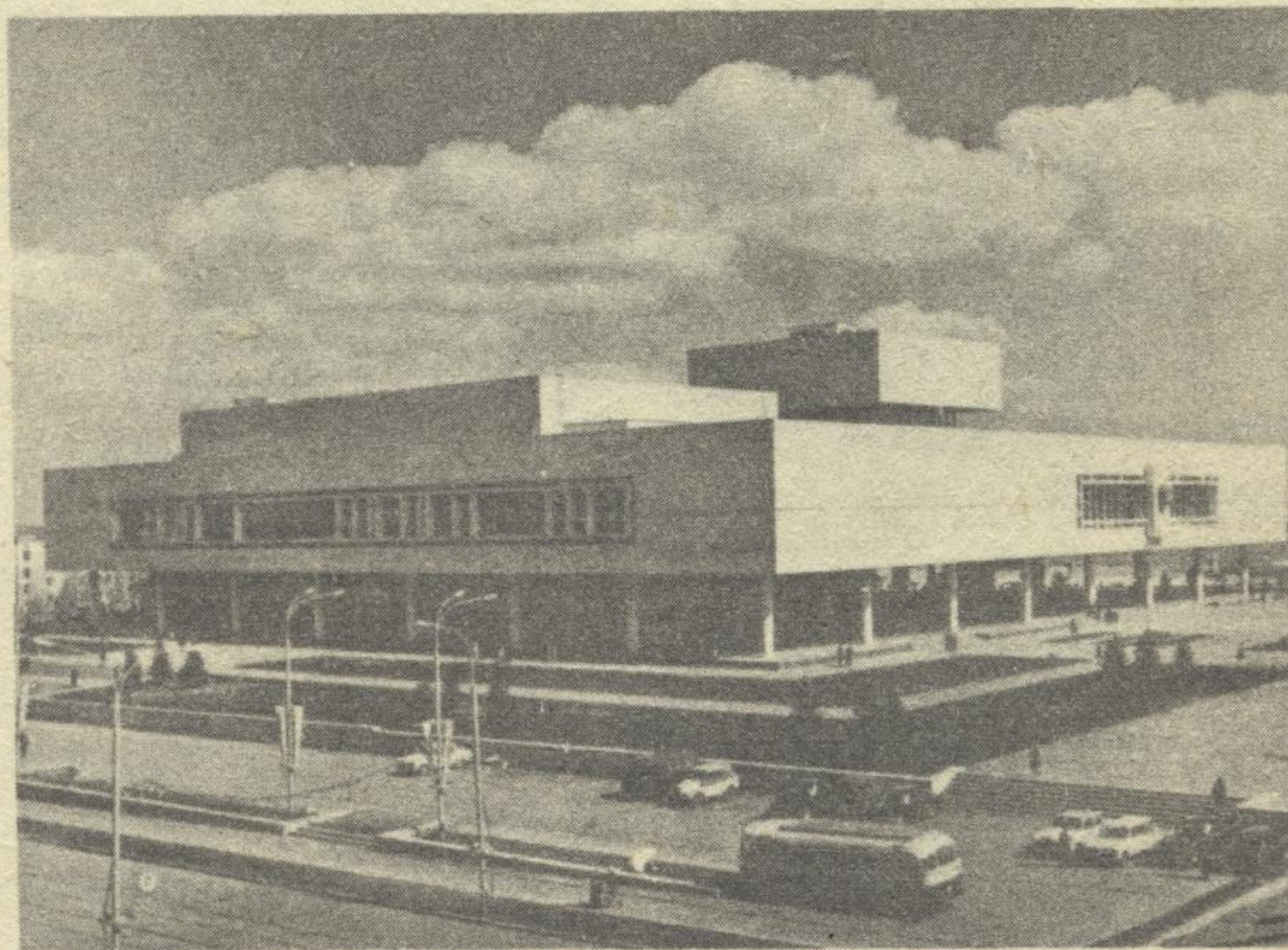
Помнится, еще во время своей первой поездки в Ульяновск я обратил внимание, что большинство ребят школы № 1 учится только на четверки и пятерки. Но надо ли комментировать эту очень важную и весьма знаменательную, на мой взгляд, традицию? Думаю, что не надо. И думаю, что каждому ясно, почему именно эта школа так живет и работает. Почему она носит имя Владимира Ильича, а на ее знамени самая высокая награда Родины — орден Ленина. Но, кажется, во мне заговорил голос историка...

А теперь, дорогие друзья, я хочу вас поздравить с днем рождения Владимира Ильича Ленина и пожелать вам настоящего следопытского счастья.

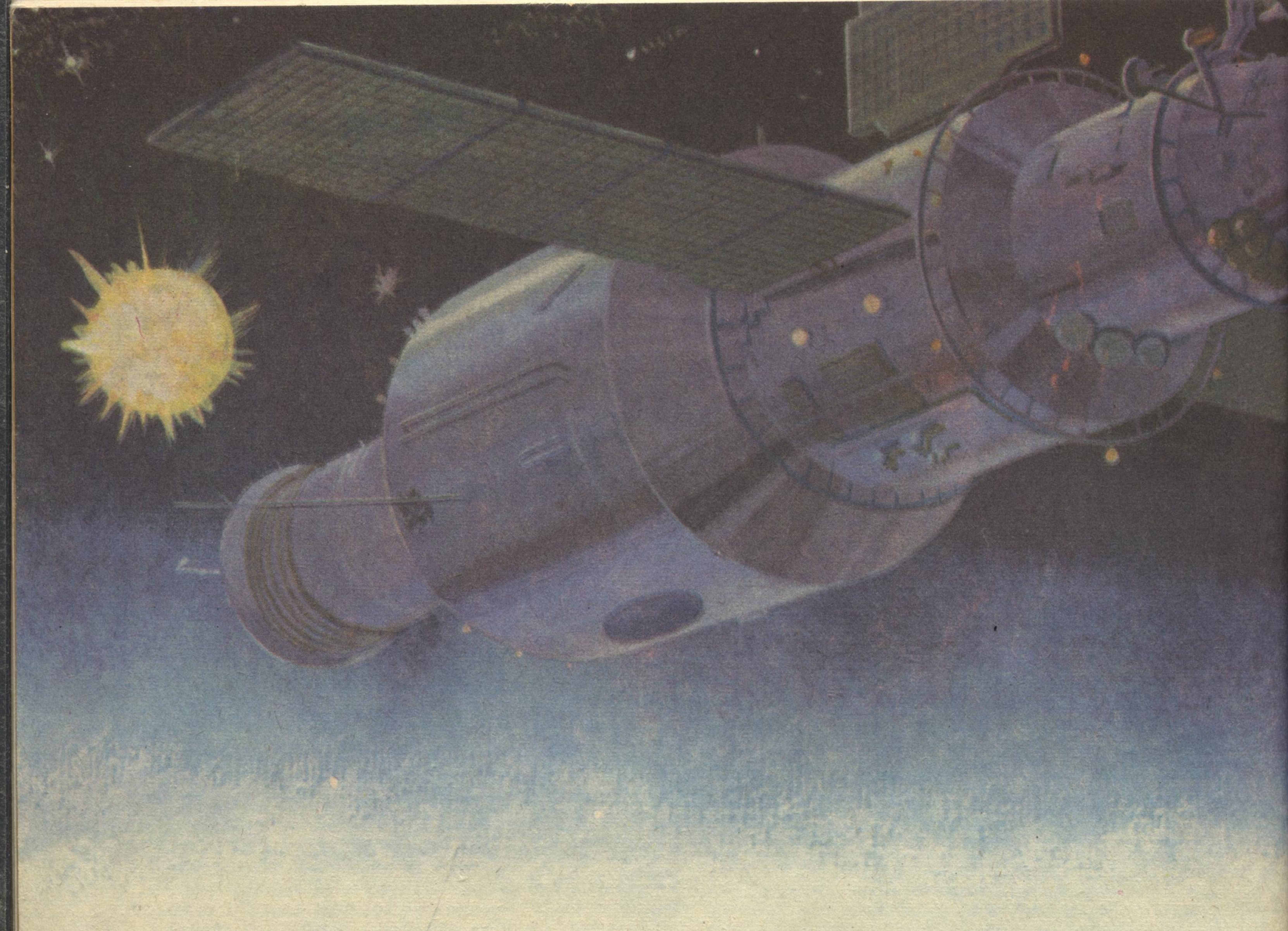
**Г. Усыскин,
кандидат исторических наук**

Улица Московская, на которой жили Ульяновы.
Ныне улица Ленина

Ленинский мемориал

12 апреля — День космонавтики

КАК РАСТИ В КОСМОСЕ

Об этой лаборатории я и раньше слышал удивительные вещи: что именно здесь академик Альфонсас Меркис и его товарищи готовят растения к путешествию в космосе. Именно готовят. Не только людям, но и растениям, оказывается, для таких необыкновенных путешествий нужно быть всесторонне подготовленными. Чтобы не произошло никаких ЧП. Это один из вопросов, которым занимаются в лаборатории физиологии растений Института ботаники Академии наук Литовской ССР.

Раньше мне почему-то казалось, что первопроходцами космоса среди растений обязательно станут самые красивые цветы: роза, например, или гвоздика. Представьте, как я был удивлен, когда узнал, что пионерами космоса оказались самые обычные и даже прозаические растения — горох и лук. Сколько же им пришлось для этого тренироваться! Прежде чем оказаться на орби-

те, они проходили испытания на земле, в лаборатории Альфонсаса Меркиса. Какие это испытания? Очень сложные.

Вот, например, такое. Грядки с посаженным горохом крутили на специальной машине — клиностате и стали ждать, прорастут ли побеги. И если да, то в какую сторону?

Горох пророс. Но не к солнцу, как обычно. Растение непрерывно поворачивалось по отношению к направлению силы тяжести. Интересный факт? Очень.

Другое испытание. Стебель перевернули вверх корнями, да еще приспособили внизу под грядкой мощный источник света — искусственное солнце. Обман, однако, не удался. Растение безошибочно отличило искусственное солнце от настоящего и, круто развернувшись на земле, вернулось в привычное для себя положение.

Следующий эксперимент проводился уже в

Рисунок Н. Андреева

космосе, на орбитальных станциях «Салют-4» и «Салют-6». Горох и лук были доставлены сюда в контейнерах, затем посеяны. Результат оказался неожиданным: и горох, и лук растерялись — куда расти? А через несколько недель, не вынеся неразберихи, растения сдались, сникли.

Так неужели людям придется обходиться в космосе без своих зеленых друзей?

Академик Альфонсас Меркис думает иначе:

— Через две-три недели в условиях невесомости растения погибают, но ведь на протяжении этих двух недель живут! Значит, в семенах заложена возможность какое-то время обходиться без земного притяжения.

Академик Меркис мечтает о том, чтобы в каждом космическом корабле была оранжерея.

Такова мечта академика Меркиса.

Алексей МОРГУН

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ВЕСНА

Безбрежна неба синева,
и капель перезвон
нам говорит: пришла Весна!
динь-дон, динь-дон, динь-дон.

Набухли почки на ветвях,
раскроются вот-вот,
а по реке, а по реке
лед с грохотом плывет.

И у людей, и у людей
сияние в глазах,
и воробей, и воробей
чирикает в ветвях.

В полях растаяли снега,
и вышли трактора,
и первой стае журавлей
кричали мы вчера:

— Весна пришла! Весна пришла!
Курлыкали они,
и счастлив каждый был из нас
в те радостные дни.

Андрей Кравчина

8-й класс,
Ташкент

Рисунок Ю. Бочкарева

В гостях у шефов

ПОЗНАКОМИЛИСЬ

— Кого бы я позвала? — переспросила Марина Белова. — Бригаду Брандукова...

— Конечно, Брандукова. Такая молодая бригада и уже среди лучших! — горячо поддержал Марину Алеша Калугин.

В этот день перед концом рабочей смены весь четвертый «б» «дежурил» возле проходной Ижорского завода. Показались первые рабочие. Ребята вглядывались в каждого, боясь пропустить в толпе Сашу Брандукова и его товарищей.

Наконец кто-то крикнул: «Идут, идут!»

Четвероклассники моментально окружили Сашу, Володю Волкова, Толю Чукова:

— Товарищ бригадир, — Марина повернулась к Саше, — хотим пригласить вас на пионерский сбор, посвященный героям пятилетки.

И добавила тише:

— Мы из школы-интерната № 27. Это тут рядом с заводом.

Саша согласился сразу.

В назначенный день пришла вся бригада. Все одиннадцать человек.

— Спасибо за честь, — сказал бригадир. — Нам радостно, что на вашем сборе мы представляем Ижорский завод, завод-ветеран, завод-герой, завод-гигант. Нам очень повезло, что мы работаем на Ижорском.

Саша присел на краешек парты. Все вместе стали вспоминать, кто что знает о войне, о блокаде, о знаменитом Ижорском батальоне. Пионеры задавали вопросы своим новым друзьям.

— Другого такого завода не только в Ленинграде, но и во всей стране нет, — горячо рассказывал Владимир Волков. — Металл варим, сами из него готовую продукцию делаем. Валы для турбин — наши, оборудование для атомных электростанций, огромные шагающие экскаваторы — тоже. Нашу продукцию ждет вся страна.

— А у вас какая работа? — спросил с последней парты Сережа Федоров.

— Мы — слесари. Над каким бы заказом завод ни работал, без нашей специальности не обойтись.

Гости внимательно оглядели класс.

— Если руки умелые и голова соображает, может, и из вас со временем слесари выйдут. Производственно-техническое училище у нас при заводе отличное. Да и мы обязательно поможем.

— Вот бы нам таких шефов, как вы! — вырвалось у Марины.

И снова все окружили бригаду, захлопали, закричали радостно: «Верно, верно. Будьте нашими шефами. А мы вас не подведем!»

— Не подведете? Тогда согласны!

ПОДРУЖИЛИСЬ

...Поздними вечерами, как-то выкраивая время между работой, комсомольскими делами, занятиями в Политехническом институте, Александр Брандуков листал учебники для четвертого, потом для пятого класса, изучал журналы «Вожатый», «Воспитание школьников». А на завтра в обеденный перерыв рассказывал товарищам по бригаде о маршрутах Всесоюзного марша «Пионеры всей страны делу Ленина верны!», о Всесоюзных пионерских операциях «Живи, книга!», «Миллион — Родине!» Внимательно слушали рабочие. Как же, теперь они — шефы!

Шефы виделись с пионерами каждый день. Случалось, Саша забегал один, чаще приходили вдвоем, втроем.

Девчонки и мальчишки торопились рассказать обо всех своих новостях. Задуман большой дружинный сбор в честь дня рождения Владимира Ильича Ленина, новые дела на маршруте «Звездочка». Совсем недавно старшая вожатая похвалила пионеров за работу с октябрятами!

Помощь шефов нужна была во всем. Что-то не получалось со стенгазетой ко Дню космонавтики — хотелось посоветоваться. А кто еще так внимательно будет слушать рассказ о только что прочитанной

ХОРОШИЙ ГОД

книге? Оказалось, вся комсомольская бригада любит петь. И, если было настроение, обязательно заводили песню. И у тех, и у других одна любимая песня — «Если с другом вышел в путь...»

ЖИТЬ СТАЛО ИНТЕРЕСНЕЕ

Шефы перечинили в классе все, что требовало даже незначительного ремонта!

— Может, у вас в спальном корпусе тоже что-нибудь ломаное найдется? — спросил Коля Чекуров. Человек дела, он чувствовал себя хорошо только тогда, когда держал в руках молоток или отвертку.

— У шкафа, что в спальне стоит, ножка отломалась... Но мы ее уже сами починили, — доложил Алеша. А Сережа Ребетников добавил: — Когда вы у нас в классе работали, мы все примечали...

Действительно, теперь никто не бежал к завхозу. Быстро договаривались, с чего начать. Какая-то жадность к работе появилась!

За эту зиму все ребята заметно подтянулись в учебе, появились интересные дела на маршруте «В страну знаний». Лучшему ученику отряда Алеше Горюнову вручили Почетную грамоту комитета ВЛКСМ объединения «Ижорский за-

Чистота и порядок, как в кубрике

вод». У Саши Ерофеева в дневнике теперь только четверки и пятерки. Забыл, когда последнюю тройку получил.

НАШ ЗАВОД

...Когда школьники впервые пришли на Ижорский завод, их повели в цех, где собирают атомные реакторы. Сварили две раскаленные, отливающие красным многотонные сферы. Сварщик работал внутри. Им показали уникальный станок с кнопочным управлением.

Ребята с любопытством осмотрели мудреную машину. И спросили:

— А скажите, пожалуйста, на каком станке работает Саша Брандуков?

Позабыв про кнопочное управление, ребята помчались к неприметному станочку. Затаив дыхание, рассматривали резец... С благодарностью прятали в карманы тугие завитки металлической стружки, напряженно вслушивались в общий гул, стараясь различить голос Сашиного станка.

* * *

Этот год, многому научил. И шефов, и подшефных.

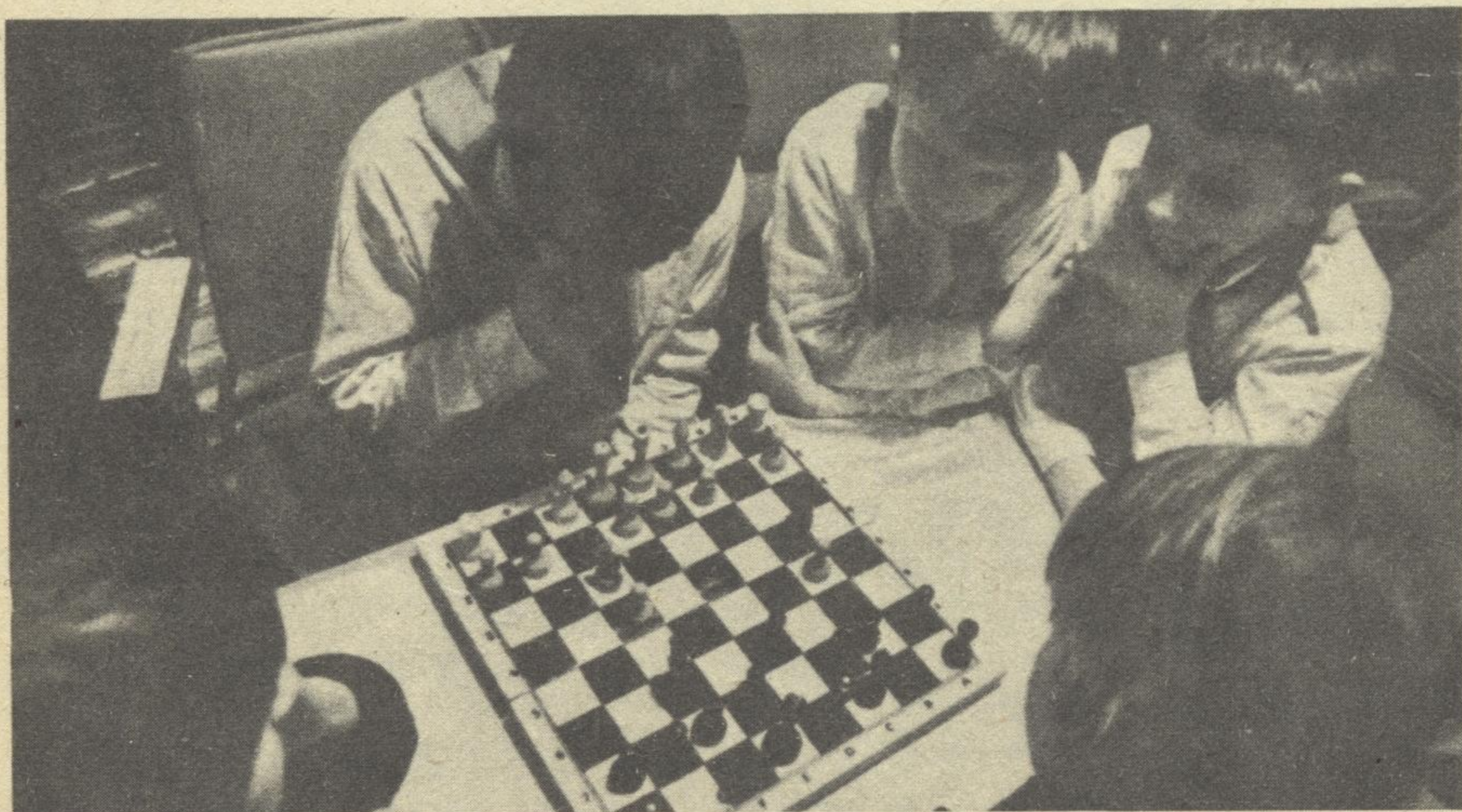
Когда в классе проводилась анкета, почти все ребята написали одинаково: «Это очень-очень хороший год. У нас появились замечательные шефы!»

Н. ВОДЯНИЦКАЯ

Фото О. Миронца, Ю. Захарова

Юбилейную стенгазету ждут все

Трудный ход

УМНИК

Вадим КРУГОВОВ

Рисунок А. Слепкова

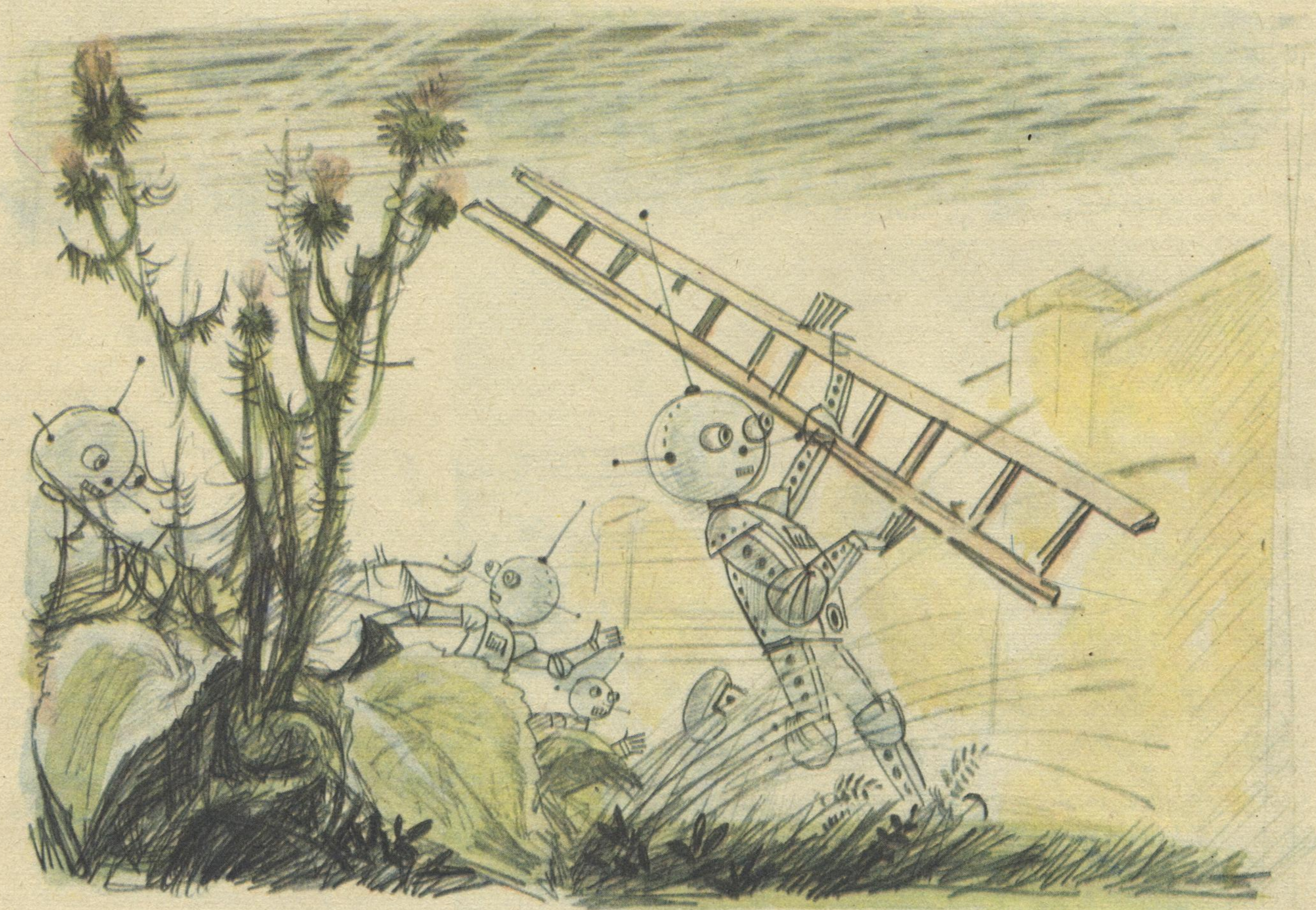
Под кустами сирени, в сиреновой тени, сидели ребята седьмого класса и ожидали, когда Клавдия Ивановна приведет Костю.

Вдруг, шелестя гравием, к сидящим ученикам подкатил электрокар с роботом впереди и остановился.

От удивления ребята встали. За роботом-водителем на площадке стояло еще три робота.

— Вы уверены, что так надо?.. — Николай осторожно взял холодную голову робота, но в это время решительный Владик ударил робота по спине и закричал:

— Ну ты, машинка! Проваливай отсюда! Мы тебе голову открутим, а нас ошпарят за порчу техники. Давай, рули куда послали! — подталкивал робота Владик.

Когда водитель спрыгнул с площадки и подбежал к Николаю, тот попятился. Но водитель наклонил скафандр.

— Что? — не понял Николай.

— Что, что?! Голову! — нетерпеливо крикнул робот.

— Не понимаю, — ответил вконец растерявшийся Николай и посмотрел на ребят.

— Быстрее! — топнул ногой нетерпеливый робот.

Робот встал на площадку электрокара, взял рычаги и крикнул притихшему классу:

— Ну и ладно! Обойдемся без вас!

— Отчаливай, отчаливай, куда отправили! — замахал руками Владик.

— Как ты с ним разговариваешь? — возмутилась Лида. — Ты же человек!

— Прикажешь его называть на «вы»? — огрызнулся Владик.

Лида вплотную подошла к электрокару с роботами и, с интересом разглядывая роботов, через плечо ответила:

*Продолжение. См. «Костер» № 3, 1980 г.

— На «вы» к нему обращаться не надо, но быть культурнее робота мы обязаны.

У производственной свалки, где под навесом лежали груды бракованные детали, электрокар остановился. Робот-водитель спрыгнул с площадки и приказал спрыгнуть другим.

Ломая высокий репейник, четыре робота быстро шагали вдоль бетонного забора.

По команде первого трое вдруг остановились.

— Попробую достать лестницу и тогда мы будем на свободе.

— Для свободы нам лестница не нужна, — ответили хором трое. — Мы свободны без нее: на дне океана и в космосе, в зоне радиации и здесь перед забором.

— Если вам все равно, где ржаветь, то мне абсолютно не все равно. Если вы свободны здесь, то и на той стороне забора будете свободными. Верно?

Роботы хором согласились.

Робот с царапиной на плече осторожно пошел вдоль дощатой стены сарая к бетонной площадке, на которой виднелись бумажные мешки с разноцветными печатями и откуда слышалось пение.

Заметив перед противопожарным щитом с лестницей робота, завскладом Петр Иванович перестал петь.

— Здравствуйте, товарищ робот, — произнес Петр Иванович и положил совок с порошком на низкую скамеечку.

— Здравствуйте, — поздоровался робот и замер с протянутой к лестнице рукой.

— Испытание проходите? — спросил Петр Иванович.

— Конечно, — ответил робот.

— И как?

— Нормально.

— Да берите, берите ее, — разрешил Петр Иванович.

Робот взял лестницу и, поблагодарив, пошел за угол.

Петр Иванович последовал за ним и, когда увидел, что робот приставил лестницу к забору и приказал другому лезть, поощрил:

— Не стесняйтесь. Делайте все, что надо. Погода сегодня для испытаний подходящая.

Роботы согласились хором:

— Температура воздуха плюс двадцать один градус, безоблачно, относительная влажность шестьдесят процентов.

— Ах, какие молодчаги! — восхитился Петр Иванович и сдвинул запыленный берет набок. — А нет ли у вас, ребятки, закурить?

Роботы молчали. И Петр Иванович смутился. Он снял берет и стал мять его. Робот по лестнице поднимался вверх, и на самой вершине, когда надо было перекинуть ногу через верх забора, опрокинулся и упал.

Петр Иванович подбежал к нему, но робот, лежа на боку, ответил, что в сочувствии не нуждается.

— Не мешайте проводить испытания! — возмутился робот с царапиной на плече.

Он приказал лезть стоящему рядом, и, когда тот опрокинулся по другую сторону забора, высокая крапива зашумела от его падения. Петр Иванович не выдержал и спросил, почему тот упал и надо ли так жестоко проводить испытания.

— Он упал на свободу, — ответили хором два робота.

— Значит и вам она нужна, — задумчиво удивился Петр Иванович.

Робот с царапиной на плече торопился. Он приказал другому роботу лезть, да побыстрее. Вдруг на крыше сарая щелкнул динамик и раздался голос Главного конструктора:

— Внимание, внимание! Из лаборатории стендовых испытаний сбежали четыре робота. Всем, кто их увидит, просьба остановить командой «УНИКи, стой!» и срочно сообщить по телефону три-одиннадцать.

Петр Иванович попятился от роботов и с укором проговорил:

— Так вот какое у вас испытание! А ну, УНИКи, стой! И за мной в сарай шагом марш! Запру вас в сарае и вызову кого надо. За мной — шагом арш! — голос Петра Ивановича приобрел былые командирские нотки.

Три робота послушно двинулись за человеком, взявшим командование на себя, и только робот на той стороне забора, в крапиве, не мог подчиниться, хотя и бился о бетонные плиты.

Петр Иванович вошел в сарай и с довольной ухмылкой манил и звал к себе роботов, как манят и зовут цыплят:

— Идите, идите, миленькие мои, здесь вам будет прохладненько и ладненько. Цып-цып-цыпочки...

Вдруг один робот приказал другим остановиться и перед самым их «носом», быстро закрыл створку ворот и набросил щеколду.

Когда Петр Иванович понял, что его закрыли в сарае, он так обиделся на конструкторов, программистов, механиков, сборщиков, на всех, кто делал этих металлических кукол, что решил сидеть и не подавать голос до тех пор, пока люди собственными глазами не убедятся, что они наделали.

— Бежим! — крикнул робот с царапиной на плече.

Он забыл дать направление и два робота с ходу налетели на бумажные мешки с легкими разноцветными порошками. Мешки от ударов ног порвались, и порошок заструился из дыр на бетонные плиты. Один робот наткнулся на резиновый шланг со сжатым воздухом и разорвал его.

Сжатый воздух вырвался на свободу со свистом. Шланг начал извиваться, как змея. Напор воздуха вздыбил пыль на бетонных плитах и скоро над территорией склада вспучилось разноцветное облако, в котором затерялись и сарай с Петром Ивановичем внутри и три робота.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ЮНЫХ ПРЫГУНОВ

РИМСКАЯ СЕНСАЦИЯ

День 1 сентября 1960 года навсегда вошел в историю советского спорта. Это день четырех олимпийских финалов на римском стадионе «Форо Италико», три из которых завершились нашей победой. Но самой сенсационной была победа в секторе для прыжков в высоту.

Три наших спортсмена — Виктор Большов, восемнадцатилетний Валерий Брумел и Роберт Шавлакадзе противостояли американцу Джону Томасу, автору мирового рекорда — 2 метра 22 сантиметра! Никто не

сомневался в победе Томаса — ни зрители, ни он сам. Пока штурмовались первые высоты, он съел порцию мороженого, чем вызвал аплодисменты болельщиков и журналистов...

У двадцатисемилетнего Роберта Шавлакадзе за плечами был долгий и трудный путь к вершинам мастерства, и ему уже

трудно было соперничать с восемнадцатилетними...

...Высота 212 сантиметров. На световом табло — пять фамилий участников. Рядом с фамилиями советских спортсменов три крестика — высота взята!

Томас пропускает эту высоту, и всем становится ясно — как ни здорово прыгают его соперники, шансов у них все равно нет...

Высота 214. Прыгает Шавлакадзе. Стремительный разбег — и рев восторга на трибунах забитого до отказа стотысячного стадиона. Легко берет высоту Брумел. Сбивает планку Большов. На старте — Джон Томас. И тут происходит невероятное — американец сбивает планку. Только со второй попытки ему удается с трудом покорить высоту...

Высота 216 сантиметров стала для Шавлакадзе золотой — он взял ее с первой попытки. Со второй — Брумел. Трижды выходил на старт Томас,

и трижды не нашел в себе силы преодолеть планку...

Это был спор молодости с опытом. Победил трезвый расчет и сила воли, закаленная в многочисленных спортивных схватках. Валерий Брумел, человек, чья слава была одной из самых ярких в союзе рекордсменов, так писал о Роберте Шавлакадзе: «Внешне флегматичный, на соревнованиях он преображался. Становился пружинистым и упорным, как кремень. Это был великий боец. Великий потому, что всегда готов был протянуть руку помощи своему сопернику... Я учился у него этому».

За выдающиеся спортивные заслуги Президиум Верховного Совета Союза ССР наградил заслуженного мастера спорта Роберта Михайловича Шавлакадзе орденом Ленина...

Ю. КОВЕШНИКОВ

*Здравствуй,
„Кузнечик“!*

Джон Томас, Роберт Шавлакадзе и Валерий Брумел на олимпийском пьедестале почета

...Пишет вам бывший моряк. Почему бывший? Недавно я узнал, что с таким зрением, как у меня, в моряки не берут. Но я не расстраиваюсь — зато взяли в «кузнечики». Прыгаю я лучше всех в классе, и твердо рассчитываю попасть на районные соревнования...

Вова Сорокин,
6-й класс,
село Анадское
Оренбургской области

...В пионерлагере мы сдавали нормы

ГТО, и я сдала на серебряный значок. Но не думала, что в прыжках в высоту покажу второй результат среди девочек 10—14 лет. После этого я вспомнила, что существует клуб «Кузнечик», и решила в него вступить. Посоветовалась с папой — согласен. Посоветовалась с мамой — согласна. Посоветовалась с бабушкой — согласна...

*Лена Максимова,
6-б класс,
г. Раменское
Московской области*

ПРОДОЛЖАЕМ ЗНАКОМСТВО

Рассказывает
член сборной
команды
«Кузнечика»

Леша Грива

— Живу в Донбассе, в городе Торезе. Кузнечиком я стал неожиданно. Мне очень нравился баскетбол, и я много играл. А потом тренер по легкой атлетике Павел Иванович Диденко сказал, что у меня хороший

толчок, и нужно попробовать свои силы в прыжках. Я попробовал и через год выполнил второй взрослый разряд. Так же и с длиной. Было первенство города среди школьников, а наш лучший прыгун заболел. Учитель физкультуры говорит — ты длинный, прыгнешь. Я прыгнул, занял первое место и стал второразрядником. А заодно и членом сборной «Кузнечика». Вот, пожалуй, и все...

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

Сравните свои физические данные и спортивные результаты с показателями физического развития и результатами юных спортсменов вашего возраста, которые стали мастерами спорта СССР.

Начертите на листке бумаги точно такую же таблицу и заполните ее, соответственно вашему возрасту. Написав сверху имя, домашний адрес, пришлите в спортклуб «Кузнечик» и ждите ответ — письменную консультацию наших тренеров.

МАЛЬЧИКИ

Возраст	Рост (см)	Вес (кг)	Бег 30 м с низкого старта	Прыжки в длину с места	Тройной с места	Вверх с места
12 лет	151	42	4.8—5.1	2 м	5.92	40
13 »	157	44.700	4.5—4.7	2 м 34	8.00	49
14 »	168	53.600	4.2—4.4	2.40	8.12	57
15 »	179	67.0	4.1—4.3	2.77	8.48	69
16 »	182	70.400	4.0—4.2	3.00	9.00	73
17 »	186	71.700	4.0	3.10	9.40	81

ДЕВОЧКИ

Возраст	Рост (см)	Вес (кг)	Бег 30 м с низкого старта	Прыжок в длину с места
12 лет	158	44.0	4.8—5	195
13 »	161	47.6	4.8—4.9	215
14 »	165	54.0	4.8—4.9	215
15 »	167	55.0	4.7—4.8	215
16 »	169	57.0	4.6—4.7	215

Тренировка

ЗАНЯТИЕ ВЕДЕТ
ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА СССР,
СТАРШИЙ ТРЕНЕР СБОРНОЙ СССР,
ЧЛЕН СОВЕТА СПОРТКЛУБА «КУЗНЕЧИК»
И. ТЕР-ОВАНЕСЯН

Для того чтобы далеко прыгать, нужно научиться быстро и правильно бегать. Вот основные правила, о которых нужно помнить:

Правило первое: Человек бежит так же, как и ходит. Поэтому:

- а) не сутультесь,
- б) не топайте, ходите упруго,
- в) ходите свободно, раскрепощенно.

Правило второе:

- а) не бегите вперевалку, как утка,
- б) не отклоняйтесь назад,
- в) не падайте вперед.

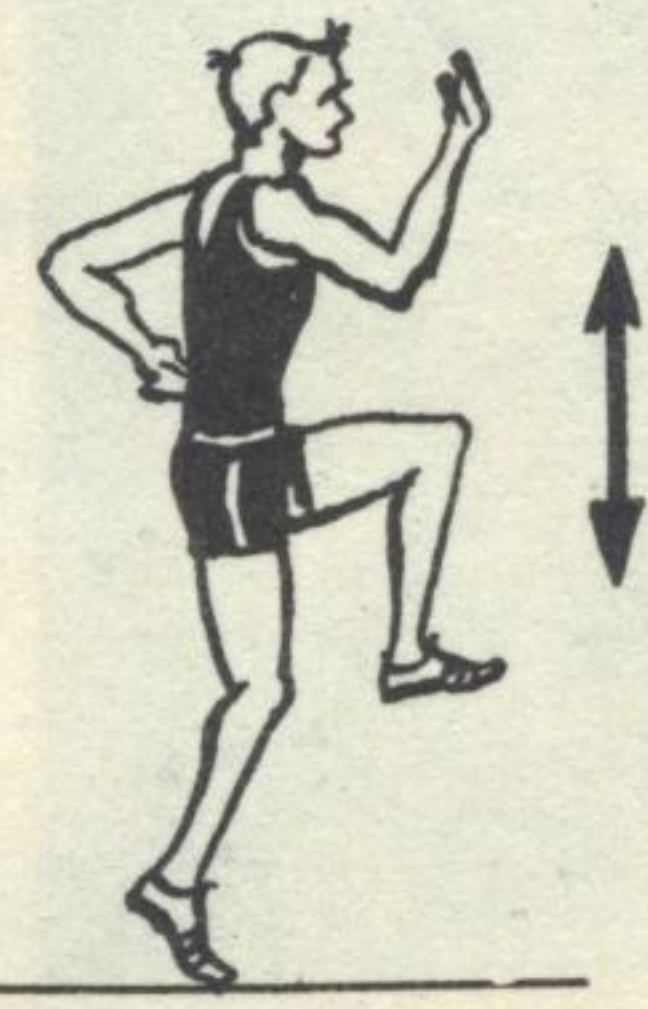
Очень важно научиться выполнять беговые упражнения.

Рис. 1 «Семенящий бег». Старайтесь бежать расслабленно, на носочках, с небольшим продвижением вперед. Руки свободно опущены и полностью расслаблены, колени поднимаются невысоко, ноги работают прямолинейно и часто. Две пробежки по 20 метров.

Рис. 2 «Высокое поднятие бедра». Делается с небольшим продвижением вперед. Колени поднимайте почти максимально. Руки работают, как при беге или как показано на рисунке (б). Две пробежки по 20 метров.

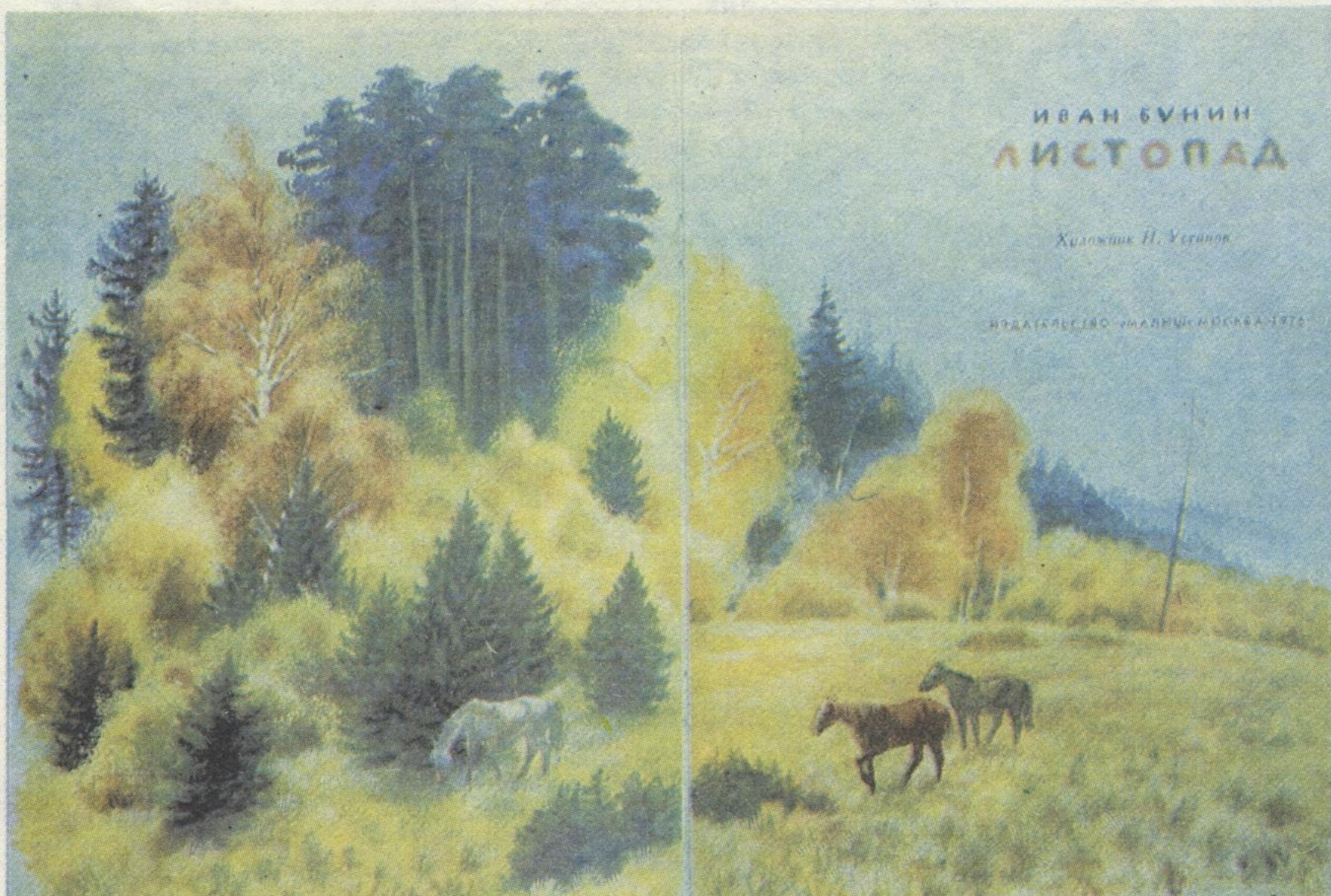
Рис. 3 «Бег с забрасыванием голени». Старайтесь коснуться ногой ягодицы.

Рис. 4 «Колесо». Делается, как обыкновенный бег, но подчеркнуто, утрированно. Активно работать руками, высоко поднимать колени, упруго и высоко держаться на стопах и мощно проталкиваться вперед.

На обложке — опушка леса, береза с пушистыми сережками, жухлая прошлогодняя трава и пестрая собака, замершая в стойке. Переверни несколько страниц, и прямо на тебя фыркнет разъяренный, ошетилившийся, готовый вцепиться острыми когтями в собачью морду кот. Ты открыл книгу М. Пришвина «Лисичкин хлеб», а рисунки в ней сделал художник Николай Устинов. Русские поля, тихая лесная заводь, где в синей воде отражаются белые деревья, луг, усы-

ХУДОЖНИК НИКОЛАЙ УСТИНОВ

панный золотыми шариками одуванчиков, зеркальце крошечного пруда... Этого художника не спутаешь ни с кем.

Маленький Коля твердо знал, кем он будет. Рисовать для него было так же необходимо, как, допустим, Пете или Яшину играть в футбол. Уже в пять лет он усиленно копировал портреты родственников. Увы, взрослые с трудом узнавали самих себя.

Когда семья Устиновых во время войны переехала в деревню, Николай с неменьшим увлечением принялся рисовать пастухов, а главное — их кнуты. Даже сейчас, спустя 30 лет, Устинов с восторгом рассказывает, как они изготавливаются. Отменный кнут — предмет особой гордости пастуха, сплести его было делом сложным и тонким. Мастерили кнут из мочала и пакли. Самая тонкая часть, сантиметров 30, плелась из конского волоса, а вся длина достигала двух-трех метров. Наиболее шикарным признавался кнут, щелкавший с таким выстрелом, что от его звука шарахались коровы.

Уже тогда у мальчика было затаенное желание — рисовать картинки к книжкам. Он очень хотел учиться рисовать и научился. Сейчас на счету Николая Устинова не один десяток книг, среди них немало отмеченных премиями и дипломами и, что самое приятное для художника, полюбившихся детям.

Устинов очень добрый и жизнерадостный человек. О себе он рассказывает с большим юмором, шутит и весело смеется вместе с собеседником. Искренне ужасается, вспоминая свои первые книжки, и по-детски радуется, показывая удачные из последних. Любит поговорить о своих путешествиях и приключениях. Сам он побывал на Белом море, блуждал по

тайге, ездил в Туркмению, добирался до Сахалина, пережил землетрясение на Курильских островах.

Во время поездок с художником приключалось всякое: в тайге, например, он умудрился попасть в капкан. А однажды ночевал в змеином питомнике. Дело было так. Приехали они с писателем Снегиревым в питомник поздно вечером. Устали смертельно, а ночевать негде: до селения далеко, идти нет сил. Сотрудник питомника возьми и предложи им устроиться в комнате, где стояли клетки с ядовитыми змеями. Делать нечего, согласились. Кобры, увидев незнакомых людей, расшипелись, долго враждебно разглядывали пришельцев — это не помешало путешественникам проспать ночь мертвым сном.

Устинов считает, что художнику надо знать все. В одном из среднеазиатских заповедников он помогал... стричь копыта архару — горному козлу с рогами ужасающих размеров. На воле архары много бегают по камням, стачивая копыта, а в вольере копыта быстро отрастают, и концы их загибаются, как у лыж. Сотрудник заповедника ловко поймал архара за задние ноги, повалил, Устинов победоносно уселся на козла верхом, но козел, изловчившись, ударил острым копытом, распорол ему ногу. Устинов — в одну сторону, козел — в другую. «Ох-ох-ох! Теперь я и это смогу нарисовать!» — подумал, поднимаясь, художник.

Из каждой поездки Николай Александрович привозит массу зарисовок, эскизов, готовых рисунков. Рассказывает, что иногда понравившийся пейзаж он зарисовывает на случайном клочке бумаги. И уже дома по нанесенным штрихам восстанавливает необычный изгиб синей реки, желтую диковинной формы отмель, заходящее солнце какого-то непривычно фиолетового цвета.

Рисует Устинов так: сначала на листке появляются, скажем, сияющее бирюзой море и зеленый берег. Затем на воде возникает плывущий кораблик. Потом, повздыхав, поколдовав с красками и кисточками, художник изобразит на берегу толпу ребятишек, немного подумав, прибавит разноцветные домики. Поглядит, повертит рисунок и вдруг сыпанет на траву горсть ярких цветов, сюда же неведомо откуда прилетят бабочки, а над морем взвоятся чайки...

Когда дотошные журналисты испытывают у Николая Александровича, кем бы он хотел стать, если начать все сначала, то неизменно получают ответ: «Художником! Это лучшее, что я умею делать». Вот так, уже 20 лет рисует он иллюстрации к детским книжкам. И если вам на прилавке магазина или на полке библиотеки попадется на глаза книга с иллюстрациями Н. Устинова, остановитесь на минутку, полистайте ее страницы, всмотритесь в рисунки. Это знакомство станет радостным событием в вашей жизни: вы навсегда запомните цветы на лугу, голубые сосны в вечерних сумерках, легкую дымку тумана над застывшей рекой — щемящую нежность русской природы. За ней — чуткое сердце художника.

М. ШУМСКАЯ

Иллюстрация к книге Б. Шергина „Миша Ласкин“.

Иллюстрация к книге Г. Скребицкого „Четыре художника“. (Наверху слева.)

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 24-й

КРАСНЫЙ АДМИРАЛ

Глава Временного правительства Керенский подписывал важную бумагу — список представленных к контр-адмиральским чинам...

— А это кто? — спросил он у своего помощника по морским делам Лебедева. — Какой Иванов? Не тот ли, о котором вы мне прежде докладывали?

— Тот самый! — отвечал Лебедев. — «Матросский адмирал». Командует бригадой крейсеров, но с благословения большевиков... К сожалению, их влияние на Балтийском флоте очень, очень велико... Сам Иванов, правда, не большевик, но... поддерживает лозунг о прекращении войны. Матросов распустил даль-

ше некуда! Полагаю, что в этот список он попал по недоразумению...

— Согласен, — сказал Керенский и вычеркнул фамилию из списка.

И не бывать бы Иванову в контр-адмиралах. Да Великая Октябрьская революция подоспела и вычеркнула из истории России самого Керенского...

...29 октября 1917 года радист крейсера, которым командовал Иванов, получил телеграмму. Он записал ее на бланке и — бегом к командиру. Телеграмма короткая, всего несколько слов:

«Модесту Иванову. Капитану 1-го ранга. Гельсингфорс. Просим немедленно приехать Петроград Смольный».

Прочитал капитан Иванов телеграмму и подпись пониже:

«Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин)».

Всего на полчаса задержался Иванов на крейсере: нужно было привести в полнейший порядок парадную форму. Затем он срочно отбыл в Петроград.

Можно не гадать, какой была встреча моряка с Лениным. Остались воспоминания Иванова:

«В комнату вошел небольшого роста, плотного телосложения человек с большим выпуклым лбом. Это был

Ленин. На что я сразу обратил внимание — это на глаза вошедшего, светившиеся живым умом.

Мы поздоровались и сели за небольшой стол.

Теперь я попробую передать дословно наш разговор.

Ленин. Вы социалист?

Я. Думаю, что да, только, конечно, неважный...

Ленин. Но, во всяком случае, вы же читаете газеты? Интересуетесь разворачивающимися событиями?

Я. Не только читаю и интересуюсь, но волею судьбы неожиданно для самого себя принимаю участие в самих событиях.

Ленин улыбнулся.

Ленин. Но вы, надеюсь, против правительства Родзянко, Керенского и т. д.

Я. Вообще я против всякого правительства, опирающегося на штыки!!

Наступило короткое молчание.

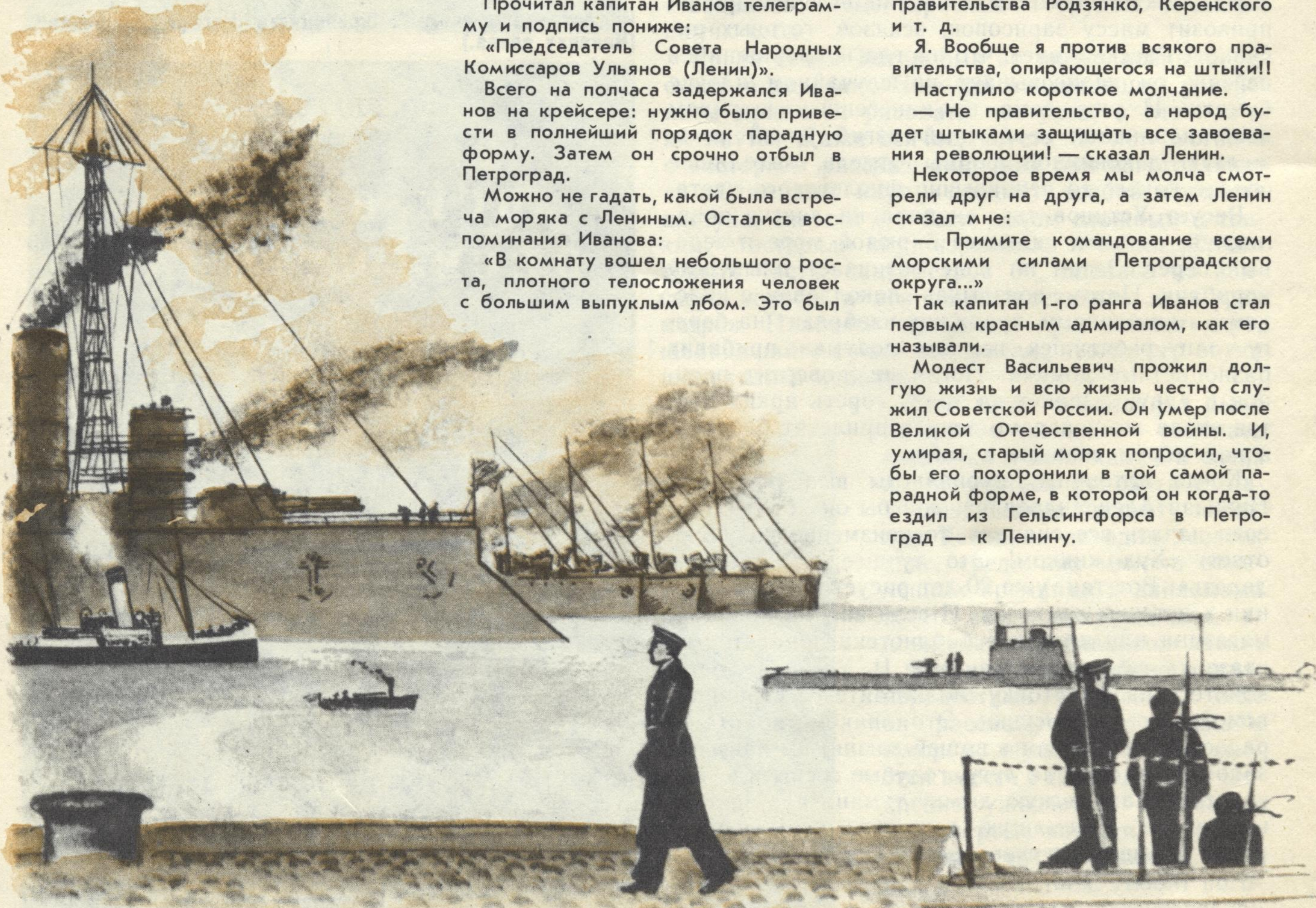
— Не правительство, а народ будет штыками защищать все завоевания революции! — сказал Ленин.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга, а затем Ленин сказал мне:

— Примите командование всеми морскими силами Петроградского округа...

Так капитан 1-го ранга Иванов стал первым красным адмиралом, как его называли.

Модест Васильевич прожил долгую жизнь и всю жизнь честно служил Советской России. Он умер после Великой Отечественной войны. И, умирая, старый моряк попросил, чтобы его похоронили в той самой парадной форме, в которой он когда-то ездил из Гельсингфорса в Петроград — к Ленину.

Первый с именем Ленина

В 1922 году в японский порт Нагасаки пришел пароход под красным флагом — «Симбирск». Время было сложное, Страна Советов только набиралась сил. Этим воспользовались японские власти и незаконно задержали пароход. Продержали судно под арестом целый год. Все-таки пароход вернулся на родину. И тогда героическая команда «Симбирска» решила просить, чтобы пароходу присвоили имя Владимира Ильича Ленина. Просьбу удовлетворили. Это был первый пароход с именем вождя революции на борту.

Приключения парохода

Весть о Великой Октябрьской революции быстро дошла до Нью-Йорка. А в нью-йоркском порту в те дни стоял русский пароход «Кишинев». Хозяин парохода попросил полицию арестовать пароход. Под разными предлогами много месяцев пароход не выпускали в море. Но делать нечего, пришлось отпустить. К тому времени в России уже бушевала гражданская война, интервенты лезли со всех сторон. Направился «Кишинев» во Владивосток, а там — японцы. Изменил «Кишинев» курс, зашел на рейд Петропавловска-Камчатского. А там близко — белые. Белые ночью решили захватить пароход. Команда об этом узнала случайно. Пользуясь темнотой, пароход ускользнул от расправы белых.

Много еще было приключений у парохода-скитальца. Во Владивосток пароход пришел в ту пору, когда Красная Армия выбросила из города последних интервентов.

После смерти Ленина пароходу дали новое название — «Память Ильича». И весь экипаж этим названием очень гордился.

Самый красивый

Современный теплоход «Ильич» не только красив, у него мощные машины и самые совершенные приборы и механизмы. Теплоход трудится на дальних международных линиях. А как он трудится, судите сами: «Ильич» награжден тремя орденами — орденом Ленина, Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. Теплоход-орденоносец.

КОРАБЛИК

*О скалы бьется, бьется,
Бурлит морской прибой,
И чайки с громким криком
Летают над водой.*

*А ветер разгулялся,
Бушует вал морской.
Вдруг парус показался
Над синей волной.*

*Пусть не велик кораблик,
И парус небольшой,
Но борется кораблик
С могучей волной.*

**Эльвира Куклина,
6-й класс, г. Горький**

СЕРДЦЕ АКУЛЫ

То, что акула очень живуча, моряки знали и тысячу лет назад. Действительно, сердце акулы бьется даже отдельно от тела...

Но вот что узнали недавно ученые. Во время сильного испуга или

когда акула гонится за добычей, сердце ее молчит. Оно не бьется! Должно быть наоборот. Чем быстрее движение, чем сильнее испуг, тем сильнее бьется сердце. Несколько раз ученые повторяли опыт с акулой. Результат тот же.

Объяснения этому явлению пока не найдено.

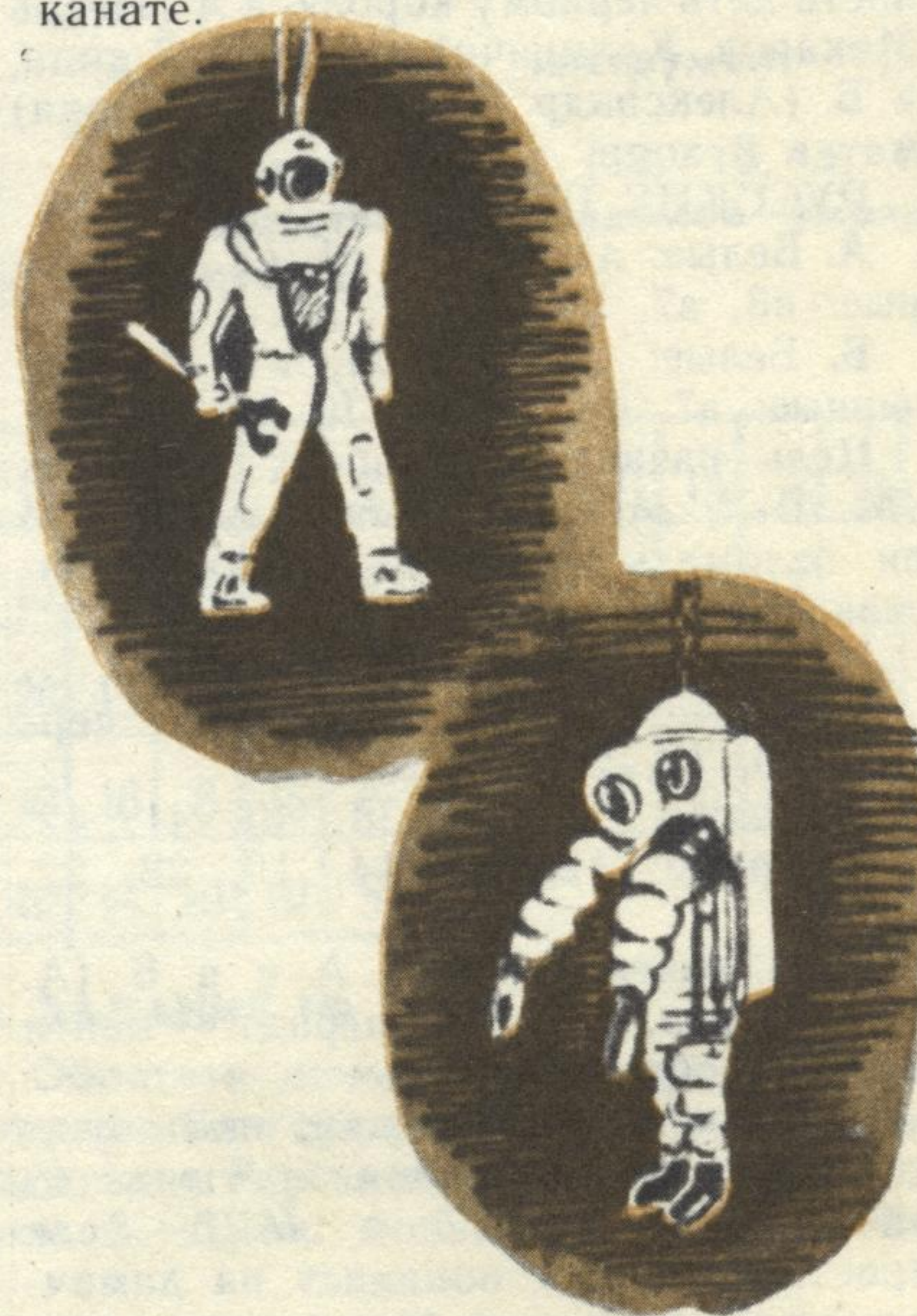

На глубине 30 метров может работать аквалангист. Время его работы под водой — около часа. Аквалангист очень подвижен. Как рыба в воде. 90 метров — предел для водолаза

в скафандре. Время — не более 30 минут. Передвигается еле-еле.

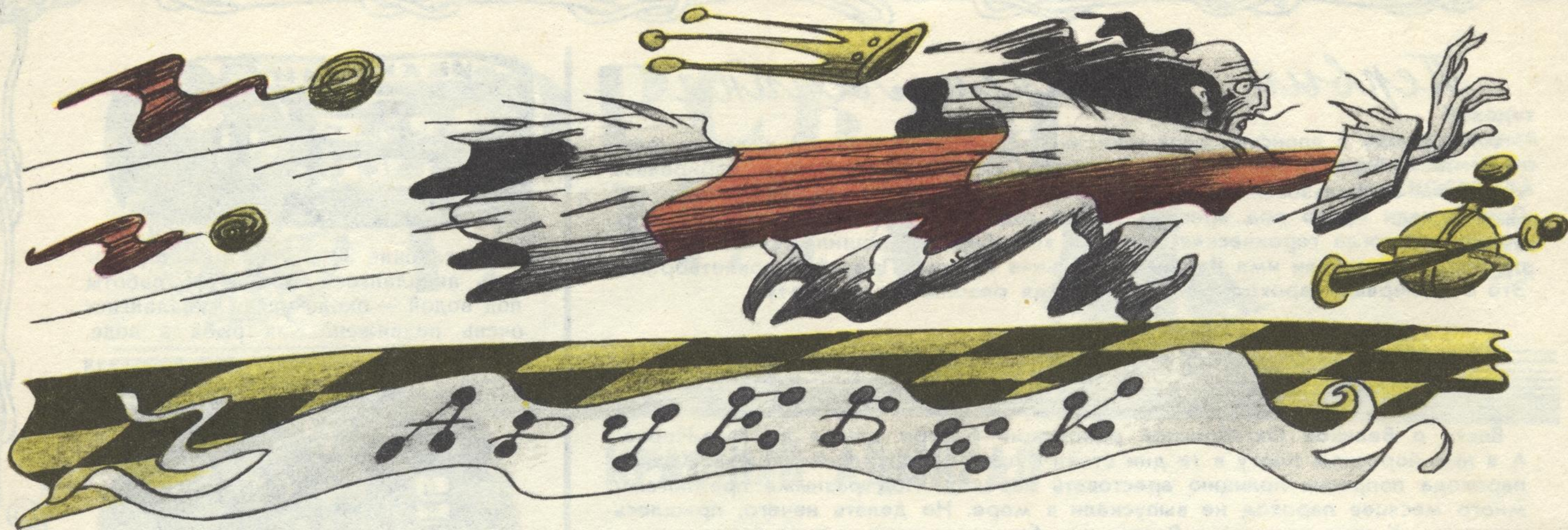
На 300 метров опускается водолаз в жестком водолазном скафандре. Время работы под водой не более 15 минут. Сам передвигаться не может, так как висит на крепком стальном канате.

Это — «Трамп», водолаз-робот для очень больших глубин. Его сконструировали ирландские ученые. «Трамп» по-английски значит — бродяга. Бродяга-робот может не выходить из-под воды три месяца и работать без перерыва. Как же он передвигается по дну? Вместо ног у «Трампа» колеса. Управляется «Трампом» с помощью электронного устройства.

Н. Закатова

ОЛИМПИЙСКИЙ-80

Доблестные разведчики! Вот боевые задания, которые ждут тех, кто отправляется в

РЕЙД ЧЕТВЕРТЫЙ

ШАХМАТЫ

А. Белые: Крс4, Ла3, Лс1, Сс2, Се3; черные: Крб2, пп. а2, а4.

Б. Белые: Кра3, Лб8, Се4, Чх8, п. f2; черные: Крс4, пп. с5, 14.

Цель разведки: определить возможность дать черному королю в А (Игорь Макаров, Кулинич) — мат в 2 хода, в Б (Александр Гришин, Ермоловка) — мат в 3 хода.

РУССКИЕ ШАШКИ

А. Белые: а1, б6, д6, е1, е7, h2; черные: а3, а7, б4, е3, f4, h4.

Б. Белые: а5, б6, д4, е1, g1, h6; черные: а7, д6, д8, f4, f6, h8.

Цель разведки: в обеих позициях (М. Вал, Москва) выяснить, можно ли взломать оборону черных, и заставить их сдаться.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ

А. Белые: 24, 37, 38, 40, 49; черные: 10, 13, 26, 27, 28.

Б. Белые: 16, 34, 38, 40, 41, 42, 43; черные: 12, 13, 14, 19, 22, 27, 36.

Цель разведки: и в А и в Б (А. Панкратьев, Ленинград) — найти пути к победе белых.

Разъяснение обстановки: здесь нужно будет пользоваться третьим отличительным правилом МШ — если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше бить как простая не может, она останавливается и превращается в дамку. Эта дамка получает «дамочные права» только после ответного хода противника (Б. 34, 37, 40, 42, 48; Ч. 8, 19, 25, 26, 28, Белые играют — 1.32! 37 2. 31 37 3. 42! 48, превращаясь в дамку и останавливаясь. 4. 35 30 5. 2X).

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

Как сообщают из штаба АРЧЕБЕКА, боевые задания разведчикам в призовом туре Чемпионата-79 («Костер» № 10, 1979 г.) следовало выполнить так:

ШХМ. А. Мат в 3 хода — 1. Чх1!

д3 2. Крг2! **Б.** В 3 хода — 1. Фh8! Сг2 2. Кd3! (но не 2. Ке2? из-за Чх3!). **В.** Ничья вечным шахом — 1. Кб8! Кра7 (если а1Ф, то 2. Кс6!) 2. Лб4! а1Ф 3. Кс6+ Краб 4. Кб8+ и т. д. **Г.** Белые спасутся — 1. Се7! а2 2. Сf6+ Крб1 3. Са1! Кб2+ 4. Крд2 Кр:а1 5. Крс1! **Д.** Белым не спастись: если 1. Сс6, то Кh4! 2. Чх1 Крf1! 3. Крд1 Кf5! 4. Крд2 Крг1 5. Крел Ке3 6. Кре2 Кг2 с выигрышем. **Е.** Белые спасутся — 1. Чх3! Сс6 2. Сг2!

РШ. А. Выигрыш — 1. а7 е5 2. б6! f4 3. б8 е3 4. б6—с7!X. **Б.** Выигрыш — 1. е7 б4 2. д8! с3 3. g5 б2 4. с1 а1 5. f2!X. **В.** Лишь ничья — 1. с7 с5 2. б8 аб4! 3. а7 с7! =. **Г.** Белые спасутся — 1. h4! а3 2. е5 д4 3. g7 с3 4. h8 аб2 5. f6! =. **Д.** Выигрыш — 1. е5 h4 (или с3; б2 f4; с1!X) 2. f4! д4 3. д8X. **Е.** У белых проигрыш — 1. а7 е3! 2. б6 д4!X или 1. а7 е3! 2. б8 а7 3. е5 f2X.

МШ. А. Выигрыш — 1. 38! 2. 9!X. **Б.** Выигрыш — 1.24 36—41 2. 36! 47 3. 10!X. **В.** Лишь ничья — 1.14 46 2. 24—19 36—41! 3. 36 41!! 4. 47 20= **Г.** Выигрыш — 1. 25—34! 2. 34!X. **Д.** Выигрыш — 1. 25! 46 2. 29! 3. 41X. **Е.** Выигрыш — 1. 10!! 2. 17! 49—44 3.10!!X.

Победители Чемпионата-79 будут названы в «Костре» № 5.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

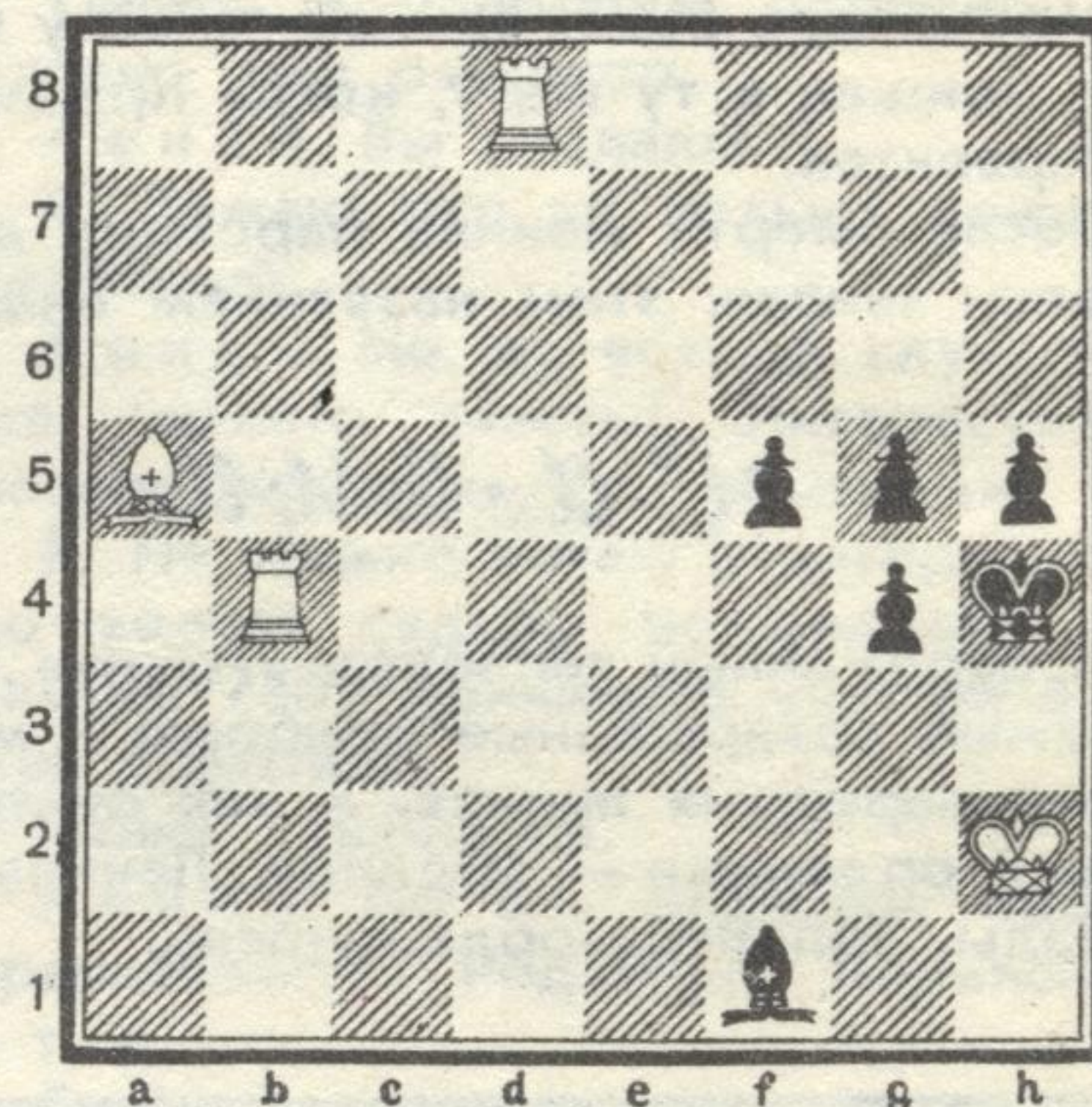
Внимание! Расставь фигуры — белые: Креб, Лг3; черные: Кре8. Тут ты, конечно, объявишь мат в один ход — 1. Лг8X. А теперь расставь так — Б. Креб, Лг3; Ч. Крf8. Тут уже в один ход мат не дать, но как дать в два? И еще расставь — Б. Креб, Ле3; Ч. Кре8. Здесь и в два хода мат не дать, но как дать в три?

К выполнению боевого задания — приступить!

НА ПОЛИГОНЕ

Всему миру известно, как точно ведут разведчики АРЧЕБЕКА прицельный огонь по черному королю. Сегодня впервые испытываются образцы конструкции Сергея Крохалева (г. Реж). Итак, на линию огня! Цель —

король черных. На диаграмме — мат с дистанции двух ходов, в записанной позиции — с дистанции трех ходов!

Белые: Крh2, Лб4, Лд8, Са5; черные: Крh4, Cf1, пп. f5, g4, g5, h5.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так:

Олимпийский-80. ШХМ. А. 1. Сб3!, и у черных цугцванг: угрозы им нет, но любой их ход позволит белым объявить мат. **Б.** 1. Фg4!, после чего возникают 3 варианта: Кр:е8 2. Фg7, или Кр:f8 2. Креб, или Крf6 2. Кh7+.

РШ. А. 1. аб4! 2. б4!X. **Б.** 1. g5! 2. ed2! 3. е5 4. б2! 5. h4 6. f4 7. h8!X.

МШ. А. 1. 29! 2. 18X. **Б.** 1. 24! 2. 29!X.

Сверив свои ранее посланные решения с этими, разведчик должен за каждый верный ответ вписать по 5 очков в «Листок учета». Если же тебе здесь что-то неясно, пиши открытку — «Вопрос Пешкоедову». Но тому, кто хочет спросить, как «Листок учета» сделать, отвечаю заранее: придумай сам!

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. О выполнении боевых заданий всем арчебековцам отрапортовать (на открытках или почтовых карточках!) до 15 июня.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

План города ЭНСКА

Разгадайка и члены клуба «За семью печатями» шли по вечернему городу. Разгадайка рассказывал:

«Я собираю материал для музея головоломок. Однажды в поисках занимательных задач я приехал в город Энск и отправился искать Лесную улицу. По этому адресу жил знакомый ребусник.

Город оказался настоящим лабиринтом. Взгляните на карту. Чтобы добраться до дома ребусника, мне пришлось долго блуждать. Но зато я осмотрел почти весь город».

Какой дорогой шел Разгадайка? Есть ли более короткий путь?

Криптограмма Светы Коротаевой (Москва).

1. Сторона света (17, 11)
2. Атмосферные осадки (8, 9, 10, 11)
3. Дерево (5, 15, 16)
4. Птица (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7)
5. Знак препинания (18, 13, 19, 20, 4)
6. Плотницкий инструмент (21, 22, 6, 4)
7. Первое блюдо (12, 13, 3, 14)
8. Вещество, выделяемое змеями при укусе (15, 23)

2	1	18	4	10	18	8	9	10	11	12	10	11	2	18	3	2	19	7	22
	5	13	20	9	13	21	13	5	10	15	6	13	5	10	8	9	13	17	
16	4	8	5	22	14	2	18	8	20	13	3	13	8	13	6	13	5	7	22
22	6	10	8	13	23	10	9	10	18	8	15	6	22	8	18	5	13	17	
						21	6	10	14	10	10	5							

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 3

Разгадайка — второй пассажир. Обратите внимание на фразу: «Я не Разгадайка, ПОТОМУ ЧТО еду из города Белгорода». Откуда неизвестному человеку знать, из какого города едет Разгадайка?

Криптограмма: 1. Семя. 2. Гусь. 3. Дума. 4. Пуд. 5. Путь. 6. Бег. 7. Свет. 8. Сад. 9. Вата. 10. Дуб.

В криптограмме зашифрованы слова популярной песни: «Пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я!».

Мини-ребус: март.

Метаграмма: тесто-место-месть-масть-пасть-паста-каста-каска-кашашашка-шапка-папка-палка-балка-булка.

Дорогие ребята!
Разгадайка ждет Ваши ребусы, кроссворды, криптограммы и других занимательных задач.
ЛУЧШИЕ ИЗ НИХ БУДУТ ПУБЛИКОВАТЬСЯ НА СТРАНИЦАХ НАШЕГО ЖУРНАЛА.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, Л. А. БОГАЧУК (зам. главного редактора), В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), В. И. МАТВИЕНКО, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Л. В. ВОРЧЕНКО

Рукописи и фотографии не возвращаются. Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон: 274-93-84

М-16800. Сдано в набор 04.01.80 г. Подписано к печати 20.03.80 г. Формат 60×90/8. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 6,9. Печать офсетная. Тираж 730 000 экз. Заказ 25. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“

Нев 107

МАГ. № 25
Квит. 747 1.82
Цена — р. 20 к.

Художник Владимир Бескаравайный, чьи работы вы видите на этой страничке, часто работает в архивах и фондах музея Великой Октябрьской социалистической революции, в музеях В. И. Ленина в Москве, Ленинграде, Ульяновске.

Основные темы его творчества — революция, жизнь и революционная деятельность В. И. Ленина и его соратников.

Художник стремится достичь

портретного сходства, проникнуть в творческий замысел автора книги, и его рисунки как бы становятся продолжением литературного рассказа.

У каждого художника своя манера работы. Владимир Бескаравайный работает быстро и вдохновенно. Так говорят те, кто побывал в его мастерской. Так думаем и мы, с удовольствием и радостью рассматривая новые работы художника.

